

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2021

Том 20. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2021

Volume 20. No. 2

СОДЕРЖАНИЕ

Конец прекрасной эпохи (Редакционная коллегия) 5

СТАТЬИ

Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И.
Гончарное производство срубной культуры
Предуралья по материалам курганного могильника I
у села Твердилово 8

Балабанова М.А., Клепиков В.М., Перерва Е.В.
Погребальный обряд и морфология погребенного
из кургана могильника Тау (Западный Казахстан) 24

Монахов С.Ю. Типология и хронология
аканфских амфор [На англ. яз.] 43

Абрамова А.Н. Население Прикубанья
раннего железного века по данным краниофенетики
(предварительные данные) 66

Малашев В.Ю., Маслов В.Е. Курганы-кладбища
центральных и восточных районов Северного Кавказа
III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э.
(памятники типа Чегем-Манаскент) 81

Ковалева К.С. Производственные
бронзолитейные комплексы
городов Золотой Орды: поиск аналогий 133

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Железные конусы
в погребениях Улуса Джучи:
аспекты этнокультурной принадлежности 149

Гаглоиты Р.Х., Кочкаргов У.Ю., Мамаев Р.Х.,
Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Наконечники
копий келийского каменоящечного могильника
(Горная Ингушетия) 169

ПУБЛИКАЦИИ

Кривошеев М.В., Моисеев В.И.
Погребения раннесарматского времени
с территории Чеченской Республики 186

Иванов С.С. Редкая поясная бляха
в зооморфном стиле с Внутреннего Тянь-Шаня 196

Николаев С.Ю. Три сарматских кинжала
с подножия горы Торатау 204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Итоги VI Нижневолжской Международной
археологической научной конференции
«Волго-Уральский регион
от древности до Средневековья»
(Оргкомитет конференции) 214

CONTENTS

The End of a Great Era (Editorial Staff) 5

ARTICLES

Fayzullin I.A., Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I.
The Ceramics Production
of the Cis-Ural Srubnaya Culture: A Case Study
of the Kurgan Cemetery I Near Tverdilovo Village 8

Balabanova M.A., Klepikov V.M., Pererva E.V.
Funeral Rite and Morphology of a Buried Man
from Kurgan of Tau Cemetery (Western Kazakhstan) 24

Monakhov S.Yu. Typology and Chronology
of Akanthian Amphorae 43

Abramova A.N. Craniophenetic Features
of Cis-Kuban Population of the Early Iron Age
(Preliminary Data) 66

Malashev V.Yu., Maslov V.E. Kurgan-Cemeteries
of Central and Eastern Regions of North Caucasus
3rd Century BC – Early 2nd Century AD
(Monuments Chegem-Manaskent Type) 81

Kovaleva K.S. Manufacturing Complexes
for the Non-Ferrous Metals Processing
of the Golden Horde Cities: Search for Analogies 133

Dremov I.I., Kruglov E.V. Iron Cones
in the Burials of Ulus Jochi:
Aspects of Ethnocultural Identification 149

Gagloiti R.H., Kochkarov U.U., Mamaev R.Kh.,
Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I. Spearheads
of the Keliysky Stone Box Burial Ground
(Ingushetia Highlands) 169

PUBLICATIONS

Krivosheev M.V., Moiseev V.I.
Early Sarmatian Burials
from the Chechen Republic Territory 186

Ivanov S.S. A Rare Belt Plaque in Zoomorphic Style
from the Inner Tien Shan 196

Nikolaev S.Yu. Three Sarmatian Daggers
from the Foot of Toratau Mount 204

SCIENTIFIC LIFE

Proceedings of the 6th Lower Volga International
Scientific Conference on Archaeology
“The Volga-Ural Region –
from Antiquity to the Middle Ages”
(Organizing Committee of the Conference) 214

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>

UDC 903'1:903.5

LBC 63.442.14(2)-427

Submitted: 20.04.2021

Accepted: 30.10.2021

KURGAN-CEMETERIES OF CENTRAL AND EASTERN REGIONS OF NORTH CAUCASUS 3rd CENTURY BC – EARLY 2nd CENTURY AD (MONUMENTS CHEGEM-MANASKENT TYPE)¹

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir E. Maslov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of materials from kurgan-cemeteries of the foothill zone of the central and eastern regions of the North Caucasus (from Kabardino-Balkaria to the Caspian Dagestan), dating back to the 3rd century BC – early / first half 2nd century AD. These sites were previously named as the Chegem-Manaskent type. Main diagnostic features of this sites are the unity of the traditions of the funeral rite and the ceramic complex. The material culture of monuments of the Chegem-Manaskent type is determined by the traditions of the North Caucasian sedentary population, as the funeral rite determined by the traditions of the nomadic population of the North Caucasian steppes of the early Sarmatian period. The original territory of the formation of the culture of monuments of the Chegem-Manaskent type was the regions from the Kabardino-Balkarian Republic to the western part of the Chechen Republic. The burial grounds of the Caspian Dagestan were the result of the migration of its carriers in this direction. The cultural traditions of the population connected with the monuments Chegem-Manaskent type formed the cultural basis of the early stage Alanian culture of the North Caucasus (2nd–4th centuries AD). The monuments of the Chegem-Manasket type underlie the formation of the monuments of the Podkumok-Khumara type, with which they are connected by the use of a catacomb burial rite with the repeated use of chamber for new graves and a ceramic complex. The cultural connection is fixed in the funeral rite (burials in catacombs of type I) and in the ceramic complex. In addition, the ceramic complex of monuments of the circle of the Andreiauli settlement largely goes back to the ceramic tradition of antiquities Chegem-Manasket circle, complicated by the morphological influences of the tradition of Caucasian Albania.

Key words: North Caucasus, Burial Mounds, Cemeteries, 3rd century BC – early / first half of 2nd century AD, Funeral Rite, Ceramic Complex.

Citation. Malashev V.Yu., Maslov V.E., 2021. Kurgany-kladbishcha tsentral'nyh i vostochnyh rayonov Severnogo Kavkaza III v. do n.e. – nachala (pervoy poloviny) II v. n.e. (pamyatniki tipa Chegem-Manaskent) [Kurgan-Cemeteries of Central and Eastern Regions of North Caucasus 3rd Century BC – Early 2nd Century AD (Monuments Chegem-Manaskent Type)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 81-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>

УДК 903'1:903.5

ББК 63.442.14(2)-427

Дата поступления статьи: 20.04.2021

Дата принятия статьи: 30.10.2021

КУРГАНЫ-КЛАДБИЩА ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА III в. до н.э. – НАЧАЛА (ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ) II в. н.э. (ПАМЯТНИКИ ТИПА ЧЕГЕМ-МАНАСКЕНТ)¹

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Евгеньевич Маслов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов курганов-кладбищ равнинно-предгорной полосы центральных и восточных районов Северного Кавказа (от Кабардино-Балкарии до Прикаспийского Дагестана), датируемых III в. до н.э. – началом / первой половиной II в. н.э. Данные памятники ранее уже получили название типа Чегем-Манаскент. Их основными диагностическими признаками являются черты погребального обряда и единство керамического комплекса. Вопрос формирования культуры памятников типа Чегем-Манаскент рассматривается следующим образом: материальную культуру определяют традиции северокавказского оседлого населения, а погребального обряда – традиции кочевого населения северокавказских степей раннесарматского времени. Первоначальной территорией сложения культуры памятников типа Чегем-Манаскент являлись районы от Кабардино-Балкарской Республики до западной части Чеченской Республики; могильники Прикаспийского Дагестана представляют собой результат миграции ее носителей. Традиции населения, оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, явились культурным субстратом, на основе которого формировалась аланская культура Северного Кавказа раннего этапа (II–IV вв. н.э.), генетическая связь с которой фиксируется в погребальном обряде (захоронения в катакомбах типа I) и в керамическом комплексе. Кроме того, керамический комплекс памятников круга Андрейаульского городища в значительной степени восходит к керамической традиции древностей типа Чегем-Манаскент, осложненной морфологическими влияниями традиции Кавказской Албании. И наконец, памятники типа Чегем-Манаскент лежат в основе формирования памятников типа Подкумок-Хумара, с которыми их связывает использование трансформированного катакомбного обряда погребения с многоразовым использованием камерных могил и керамический комплекс.

Ключевые слова: Северный Кавказ, курганы-кладбища, III в. до н.э. – начало (первая половина) II в. н.э., погребальный обряд, керамический комплекс.

Цитирование. Малашев В. Ю., Маслов В. Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>

Целенаправленное изучение памятников центральных и восточных районов Северного Кавказа последних веков до н.э. – первых веков н.э. началось в 60-е гг. прошлого века и связано с работами В.Б. Виноградова [1963] и М.П. Абрамовой [1972]. Самостоятельным направлением в рамках данной проблематики явились исследования так называемых курганов-кладбищ последних веков до н.э. – первых веков н.э.: Чегемского [Керефов, 1985; 1988] и Заманкульских курганов [Ростунов, 1993; 1994; 1995; Ростунов, Березин, 2007], курганных групп I и II у Бамутского поворота, Орджоникидзевского, Самашкинского могильников [Бурков, Прокопенко, 2008], Зеленоморского кургана [Салихов, 1986; 1988], могильника Манаскент I [Пятых и др., 1986; Маслов и др., 2013] и кургана № 4 Львовского VII могильника [Маслов и др., 2016]. Обобщение древностей этого круга на основе комплексов Нижне-Джулатского и Чегемского могильников было дано в монографическом исследовании М.П. Абрамовой [1993]. При этом М.П. Абрамова объединяла данную группу некрополей с культурно близким, но не идентичным памятником – Подкумским могильником, более поздним по времени и отличающимся особенностями погреб-

ального обряда (преобладание катакомб типа IV² и двухкамерных катакомб) и керамического комплекса³ [Абрамова, 1993]. Хронологическая оценка материалов отдельных памятников могла у различных исследователей несколько отличаться, но в целом датировки укладывались в рамки II (III) в. до н.э. – I (II) в. н.э. [Керефов, 1985, с. 135, 178–184; 1988, с. 63–64; Абрамова, 1993; Ростунов, Березин, 2007, с. 23; Маслов и др., 2013, с. 35–36; Маслов и др., 2016, с. 44].

В отношении культурной атрибуции В.Ю. Малашев курганы-кладбища последних веков до н.э. – первых веков н.э. объединил в самостоятельную культурную группу (памятники типа Нижний Джулат – Чегем – Заманкул), связанную общностью погребального обряда и керамического комплекса [Малашев, 2007а, с. 497–498; Габуев, Малашев, 2009, с. 157]. Позднее, после публикаций материалов близкого культурного облика с территории Чечни и Дагестана [Бурков, Прокопенко, 2008; Маслов и др., 2013; 2016], он изменил территориальные рамки данной группы некрополей (равнинные территории центральных и восточных районов Северного Кавказа от Кабардино-Балкарии до Прикаспийского Дагестана) и название (памятники типа Чегем-Ма-

наскент) [Малашев, 2016, с. 43–44, 60–61]. В.Е. Маслов отмечал, что данные курганы-кладбища для предгорий Центрального и Восточного Предкавказья являются эпохальной инновацией и отражают приток степного населения на данную территорию с последующей интеграцией в местную среду [Маслов и др., 2016, с. 44]. Более подробно вопрос формирования данной группы памятников мы рассмотрим ниже.

В имеющуюся на сегодняшний день выборку памятников мы включаем Чегемский курган, Заманкульские курганы 1–3, курганы 1, 3, 4 группы I и курган 1 группы II у Бамутского поворота, курганы 1 и 14 Орджоникидзевского могильника, курганы 2 и 3 Самашкинського могильника, курган 4 Львовского VII могильника, Зеленоморский курган, курганы 7, 8, 10 могильника Манаскент I.

Мы объединяем с указанными памятниками и Нижне-Джулатский могильник вследствие сходства конструкции погребальных сооружений, особенностей погребального обряда и общности керамического комплекса. Мы также опираемся на аргументацию В.Б. Виноградова и Я.Б. Березина, полученную при анализе планиграфии исследованного участка данного некрополя: расположение погребений в виде двух компактных скоплений, в каждом из которых были встречены более ранние захоронения (в одном случае – эпохи бронзы, в другом – скифского времени), позволяет предполагать наличие здесь ранних насыпей, использовавшихся для совершения захоронений в сарматское время [Абрамова, 1972, с. 5, рис. 1; Виноградов, Березин, 1985, с. 53].

В данную группу не включен Подкумский могильник (по сути, являющийся также курганом-кладбищем, под который был использован естественный холм, как в случае с Зеленоморским курганом и курганом 4 Львовского VII могильника) по причине отличий в конструкции и типологическом составе катакомб, морфологии керамического комплекса, хронологии и территориальных границах. Вследствие этого он был отнесен к самостоятельной культурной группе (памятники типа Подкумок-Хумара), которая своим происхождением связана с древностями Чегем-Манаскент (чем и объясняется их некоторое сход-

ство⁴) и является результатом отдельной линии эволюции культурных традиций Чегем-Манаскент в более позднее время – в I–IV вв. н.э.

Возможно, к памятникам типа Чегем-Манаскент следовало отнести Ханкальские могильники на южной окраине г. Грозного [Виноградов, Петренко, 1984], поскольку облик их материальной культуры (в первую очередь керамический комплекс) и хронология, которая, судя по опубликованным материалам [Виноградов, Петренко, 1984, рис. 2–4], укладывается в рамки III в. до н.э. – I (начала II) в. н.э., полностью соответствуют древностям рассматриваемого круга. Погребения были вписаны в холм Ханкальского второго городища, что отдаленно допускает интерпретацию некрополей в качестве кургана-кладбища, содержавшего 81 погребение. Однако неполная ясность в отношении планиграфии некрополя оставляет пока этот памятник за рамками нашей работы. В будущем он найдет свое место в системе древностей региона сарматского времени.

Рассмотрим перечисленные выше памятники.

Чегемский курган, Чегемский район Кабардино-Балкарской Республики [Керефов, 1985]. Исследовано 135 погребальных комплексов, а также захоронение коня и двух собак в отдельных ямах. Не всегда формы погребальных сооружений были полностью прослежены, в этих случаях автором раскопок отмечался сам факт наличия захоронения в катакомбе без информации о расположении входных ям по отношению к камере. При этом, судя как по форме камер, так и по доминированию катакомб типа I (длинная ось входной ямы перпендикулярна длинной оси камеры) на памятнике, эти неатрибутированные камерные могилы с большей вероятностью относились именно к данному типу. Часть форм погребальных сооружений (около 20) не определяется. По наблюдениям Б.М. Керефова [1985, с. 169] и М.П. Абрамовой [1993, с. 22], катакомбные захоронения являются преобладающей формой погребальных сооружений – 49,3 %. Катакомбы типа I, с учетом условно атрибутируемых как данный тип, составляют около 50 % (рис. 1, 1–6, 8). Катакомбы типа II (длинная ось камеры является продолжением длин-

ной оси входной ямы) (рис. 1,7) и подбои (соответственно 4 и 5) статистически малозначимы. Остальные формы погребальных сооружений отнесены к прямоугольным ямам без дополнительных конструкций. Примерно в 20 % случаев фиксируется использование погребальных камерных сооружений для многогрозных захоронений.

Доминирует вытянутое положение погребенных на спине, однако сравнительно часто (около 20 случаев) можно интерпретировать позу погребенного как положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями; изредка встречалось положение скорченно на правом (5) и левом (3) боку.

Ориентировка погребенных для всех форм погребальных сооружений одинакова и имеет выраженное трехпиковое распределение в направлениях СЗ, ЮЗ и ЮВ. В генерализованном виде и с учетом отклонений она может быть распределена по трем секторам: запад – юг – 48 %, ЗСЗ – ССЗ – 30 %, ЮВ – ЮЮВ – 15 %, остальные ориентировки приходятся на сектор север – восток. Б.М. Керефов отмечал, что направление ориентировок по промежуточным сторонам света являются сезонными отклонениями от двух основных – западной и южной [1985, с. 173]. Кроме того, одновременное стремление расположить камеру катакомбы в направлении к центру и вместе с этим соблюсти необходимую ориентировку погребенных могло привести к данным отклонениям [Керефов, 1985, с. 170].

В погребениях встречались кости животных: 1) рядом с погребенным (с ножом – 3, без ножа – 4); 2) в миске (с ножом – 3, без ножа – 4). При этом данная обрядовая черта почти исключительно встречена в комплексах II–I вв. до н.э.; в более позднее время она реализуется 1 раз (в миске с ножом). Только для II–I вв. до н.э. характерны сосуды с гальками (11), цепочкой (10), а также одновременно с гальками и цепочкой (1) [Керефов, 1985, с. 176].

Автор раскопок датировал памятник II в. до н.э. – началом II в. н.э. [Керефов, 1985; 1988]. М.П. Абрамова [1993, с. 67–96] и Я.Б. Березин [Ростунов, Березин, 2007, с. 23] нижнюю хронологическую границу памятника отнесли к III в. до н.э.

Для оценки нижней границы важна находка короткого меча без металлического пе-

рекрестья с серповидным (полукольцевым) навершием (рис. 4,1); датировка данного типа клинкового оружия может рассматриваться от второй четверти – середины III до начала I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 141]; датировка В.Р. Эрлиха несколько отличается в сторону удреждения – конец IV – II в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 149]. В несколько более широких рамках (III–I вв. до н.э.) датируется достаточно характерный для степных древностей Нижнего Поволжья раннесарматского времени кинжал с прямым перекрестьем и серповидным навершием (рис. 4,2) [Клепиков, Скрипкин, 2002]; для северокавказских памятников его верхняя граница не должна быть ранее второй четверти III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 53]. Короткий меч с антенным (волютообразным) навершием без металлического перекрестья (рис. 4,3), по мнению М.П. Абрамовой [1993, с. 70], находит аналогии в комплексах II–I вв. до н.э. Кинжалы с кольцевидным навершием (рис. 4,4,5) получают распространение со II в. до н.э. (очевидно, со второй половины) и встречаются по первую половину III в. н.э. [Скрипкин, 2010, с. 77–79, 335–346; Габуев, Малашев, 2009, с. 129–130]. Длинный меч с узким клинком, небольшим перекрестьем, длинным штырем для рукояти и без металлического навершия (рис. 4,6), имеющим прототипы в китайском клинковом оружии, находит серию аналогий – от раннесарматского до позднесарматского времени [Скрипкин, 2010, с. 195–220, рис. 1, 2].

Пряжки с неподвижным боковым выступом или крючком (рис. 4,9–13), имеющие круглую или восьмеркообразную рамку, в том числе с двумя или тремя грибовидными выступами с внешней стороны, датируются в рамках III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 97–98, 164, рис. 48, 49]. Железные пряжки с округлой или прямоугольной рамкой и подвижным язычком без щитка (рис. 4,14–17) являются характерным предметом инвентаря начиная с I в. н.э.; появление их, по всей видимости, следует относить к I в. до н.э., скорее всего к его финальной части. Железная пряжка с удлиненной в задней части фигурной рамкой без щитка (рис. 4,18) имеет аналогии в комплексах региона в I – первой половине II в. н.э. [Абрамова, 1993, рис. 58,13–15] и является репли-

кой центральноевропейских ременных застежек раннеримского времени [Малашев, 2007б, рис. 1, 13–18]; датировка: I – первая половина II в. н.э.

Шлем типа Монтефортино (рис. 4, 7) был неоднократно рассмотрен в литературе [Симоненко, 2010, с. 137–147].

Фибулы среднелатенской схемы с бусиной на спинке (рис. 5, 2, 4) учтены в своде В.В. Кропотова и отнесены им к группе 2, серии III, форме 1⁵. Датировка этих изделий, по мнению автора, укладывается в рамки второй половины / последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 54–56]. Еще одна застежка (рис. 5, 1) относится к надвязным проволочным фибулам так называемого неапольского варианта (группа 2, подгруппа 3 по классификации А.К. Амброза), датирующимся I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22] или второй половиной / последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 48–51]. Три фибулы атрибутируются как одночленные лучковые группы 15 серии I по А.К. Амброзу: варианта 1⁶ (рис. 5, 7) с датировкой I в. н.э., возможно – его первой половины [1966, с. 48], и варианта 2 (рис. 5, 5, 6), относящегося ко второй половине I – началу II в. н.э. [1966, с. 49]. В.В. Кропотовым все три застежки включены в группу 4, серию I, вариант 2 и датированы серединой I – началом II в. н.э. [2010, с. 72–74].

Три разнотипных зеркала относятся к классу сложносоставных зеркал с утраченными боковыми ручками, крепившимися с помощью заклепок. Этот класс изделий архаичен и, очевидно, исчезает уже к I в. до н.э. Выделяется крупное литое зеркало из погр. 18 (рис. 4, 22), имеющее рельефные валики на обороте, что сближает его с большой группой зеркал с валиком по краю диска и боковой ручкой-штырем (рис. 4, 19, 20), которые часто встречаются в сарматских комплексах III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 44; Клепиков, Скрипкин, 2002]. Судя по зеркалу из погребения 69/2 могильника Глинное в Приднестровье, подобные зеркала в сложносоставном варианте появляются не позднее второй четверти III в. до н.э. [Тельнов и др., 2016, с. 898, 965, рис. 447, 9]. Там же, в комплексе погребения 107/3, датированном третьей чет-

вертью III в. до н.э., найдено небольшое прокованное зеркало с полукруглым вырезом для крепления в основании ручки [Тельнов и др., 2016, с. 899, 965, рис. 447, 14], аналогичное зеркалу из погребения 117 Чегемского кургана [Керефов, 1985, рис. 16, 32]. Зеркало из погребения 35 отличается от них размещением отверстий для крепления и плоским диском (рис. 4, 21). Близкой параллелью данным находкам является также сложносоставное зеркало с прорезанным на обороте плоского диска циркульным декором и отогнутыми краями из погребения Л-7 могильника городища № 3 у хут. Ленина, датированного по импортам первой четвертью II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 268, 269, рис. 49, 13].

Датировка зеркал-подвесок с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне (рис. 4, 25, 26) на сегодняшний день выглядит следующим образом. В памятниках среднесарматской культуры Волго-Донья они появляются не ранее середины I в. н.э. и происходят с территории Северного Кавказа [Скрипкин, 1990, с. 153]. Их верхняя хронологическая граница не может ограничиваться началом II в. н.э. и в равной мере может распространяться на всю первую половину данного столетия. То есть основной период их использования – середина I – первая половина II в. н.э. В пользу этого также говорят находки наиболее поздних образцов из Волго-Донского междуречья, относящихся к середине – второй половине II в. н.э. Рассмотрим их.

В диагональном погребении с ЮЮЗ ориентировкой кургана 14 Терновского могильника [Шилов, 1966], относящемся уже к позднесарматскому времени, вместе с зеркалом обнаружена лучковая одночленная фибула группы 15, серии I, варианта 3 по А.К. Амброзу [1966, с. 49–50] или группы 4 серии I варианта 3 по В.В. Кропотову, датируемая авторами первой половиной – серединой II в. н.э. [2010, с. 72–74]. Данные фибулы в комплексах среднесарматской культуры (I – первая половина II в. н.э.) неизвестны, и оценка их хронологии нуждается в уточнении. Подобная застежка встречена в погребениях Кобяковского могильника с несколькими сильно профилированными фибулами с крючком для тетивы и узкой ромбической спинкой [Косяненко, 2008, рис. 15] варианта 2 по А.К. Амброзу, дата ко-

торых рассматривается как вторая половина II в. н.э. с заходом в начало III столетия [Габуев, Малашев, 2009, с. 134]. В могиле А некрополя Неаполя Скифского вместе с аналогичной лучковой фибулой варианта 3 находилась светлоглиняная амфора с профилированными ручками С IVC по С.Ю. Внукову [Внуков, 2016, с. 41–43] и ременная гарнитура, имеющая аналогии в позднесарматских комплексах второй половины II в. н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2007, рис. 7, 1, 8, 9]. Инвентарь могилы № 1 могильника Опушки вместе с подобной фибулой содержал ременную гарнитуру второй половины II в. н.э. [Храпунов, 2007, рис. 2–4]. Фибула варианта 3 происходит также из комплекса кургана 3 Красный Яр, относящегося уже к раннему III в. н.э. [Малашев, Яблонской, 2008, с. 54, рис. 206, 207]. Исходя из этого, основной период существования подобных фибул может рассматриваться как середина II в. н.э. с использованием отдельных застежек населением степи во второй половине II – начале III в. н.э. Возвращаясь к кургану 14 Терновского могильника, добавим, что, несмотря на обрядовые признаки среднесарматской культуры, его соотнесение с позднесарматским временем диагностирует (кроме фибулы) наличие в комплексе двуручного кувшина, являющегося продукцией гончарных центров аланской культуры раннего этапа Северного Кавказа, которая получает распространение в степи со второй половины II в. н.э. Таким образом, датировка погребения не должна быть ранее середины II в. н.э.

В кургане 8 могильника Племхоз (диагональное погребение с ЮВ ориентировкой) вместе с аналогичным зеркалом находились следующие предметы [Клепиков и др., 2006, рис. 12–14]. Пружинная одночленная фибула с завитком на конце приемника и плавно изогнутой пластинчатой спинкой группы 13 варианта 7 [Амброз, 1966, с. 46], характерная для Заволжья и Южного Приуралья и датируемая второй половиной II – началом III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 60–62]. Крупная железная застежка аналогичной схемы со стержневидной спинкой, скорее всего центральнокавказского производства, датируемая не позднее первой половины III в. н.э. Кувшин с раздутым в верхней части желобчатым гор-

лом, являющийся продукцией производственных центров аланской культуры раннего этапа и характерный для комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. Сочетание этих находок определяет дату комплекса в рамках второй половины II в. н.э.

На основании вышесказанного датировка зеркал-подвесок с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне выглядит как середина I – первая половина II в. н.э. с возможностью бытования отдельных предметов во второй половине второго столетия и даже позже [Гущина, Фирсов, 2000, рис. 5, 1–5].

Зеркало с боковым ушком и небольшим коническим утолщением на обратной стороне имеет дополнительное оформление рельефным знаком в виде креста (рис. 4, 24). Оно находит близкую аналогию в Нижне-Джуглатском могильнике [Абрамова, 1972, рис. 4, 65]. По всей видимости, его можно считать переходной формой между зеркалами с боковым ушком и коническим утолщением и более поздней их разновидностью, декорированной с обратной стороны тамгообразными знаками; в этом случае оно, скорее всего, датируется первой половиной II в. н.э.

Серьги с длинными разомкнутыми концами (рис. 5, 13, 14) встречаются начиная с I в. н.э. [Малашев и др., 2015, с. 90–91]. Серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 5, 11, 12) не имеют узкой даты, но более характерны для комплексов последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. [Абрамова, 1987, с. 158].

Амулеты (рис. 5, 16, 17) являются атрибутом комплексов последних веков до н.э. [Абрамова, 1993, рис. 29, 56, 60, 64–66]. Более подробно ведеркообразные сдвоенные подвески (рис. 5, 15) будут рассмотрены ниже.

Из комплексов ранней группы Чегемского кургана происходит группа красноглиняной боспорской керамики II–I вв. до н.э. [Кереев, 1985, с. 186, 187; 1988, с. 29, 55; Абрамова, 1993, с. 61]. Следует отдельно отметить расписной канфар из погребения 17 (рис. 4, 27), вероятно пергамского производства. Подобные канфары представлены серией находок, датирующихся III–II вв. до н.э., в Пантикапее и Ольвии [Парович-Пешикан, 1974, с. 80, рис. 77]. В этом же комплексе была найдена бронзовая монета Пантикапея 375–340 гг. до н.э. [Кере-

фов, 1985, с. 203, рис. 9,9]. Добавим также, что из погребения 128 происходит понтийская монета I в. до н.э.

В двух комплексах (погребения 3 и 29) обнаружены фрагменты стеклянных канфаров [Керефов, 1985, с. 193, рис. 4,19, 10,11а], причем в погребении 3 они найдены вместе с поздним дериватом мечей синдо-меотского типа с волютообразным навершием (рис. 4,3).

Исходя из оценки наиболее показательных для хронологии предметов, их нижнюю границу допустимо опускать в III в. до н.э., верхняя граница может рассматриваться как первая половина II в. н.э.

Нижне-Джудатский могильник, Терский район Кабардино-Балкарской Республики [Абрамова, 1972]. Помимо захоронений эпохи бронзы, скифского времени и аланской культуры на памятнике исследовано 76 погребальных комплексов рассматриваемой в работе культурной группы [Абрамова, 1972, с. 5].

Атрибуция форм погребальных сооружений затруднена тем, что они не всегда были прослежены; тем не менее автором раскопок было отмечено, что около 50 % всех погребений составляли катакомбы (без определения типа) [Абрамова, 1972, с. 5, 9]. Позднее М.П. Абрамова отмечала, что для III–I вв. до н.э. в Нижне-Джудатском и Чегемском могильниках катакомбы составляют 71,4 % от общего числа погребений, допуская увеличение их доли вследствие того, что не всегда прослеживалась конструкция [Абрамова, 1993, с. 22]. В самом деле, учитывая размеры погребальных сооружений, а также факт использования значительной их части для многократных захоронений, доля камерных могил для всего периода существования данного могильника составляет примерно 70 %. По наблюдениям М.П. Абрамовой, в III–I вв. до н.э. преобладают катакомбы типа II (рис. 6,2,3,5), а в I – начале II в. н.э. – катакомбы типа I (рис. 6,1,4,6,7) [1993, с. 24, 114]. Однако смещение скелетов более ранних захоронений в могилах для многократных погребений к передней (реже боковой) стенке по отношению к длинной оси камеры позволяет говорить о том, что и в III–I вв. до н.э. преобладали катакомбы типа I. Таким образом, в могильнике доминируют катакомбные погребения (несколько более 70 %), среди которых пример-

но $\frac{2}{3}$ составляют катакомбы типа I; захоронения в ямах – около 30 %.

М.П. Абрамова отмечала, что в III–I вв. до н.э. преобладают коллективные захоронения, составляющие более 60 %; остальные – индивидуальные и парные [Абрамова, 1993, с. 24]. В I – начале II в. н.э., напротив, заметно чаще встречаются индивидуальные и парные захоронения – 70 % [Абрамова, 1993, с. 117].

Доминирует вытянутое положение погребенных на спине, при этом встречены случаи положения на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (3) и скорченно на правом (7) и левом (4) боку. Ориентировка погребенных имеет двухпиковое распределение в секторах: 1) СВ – ЮЮВ – 51 %, 2) ССЗ – юг – 49 %.

Кости животных в погребениях встречались нечасто: 1) рядом с погребенным – 3 (в том числе с ножом – 2); 2) в миске с ножом – 2. Данная обрядовая черта характерна для комплексов III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, с. 25]. В комплексах III–I вв. до н.э. также встречены сосуды с гальками (5) или с цепочкой (4). Кроме того, в трех погребениях были обнаружены гальки рядом с погребенным [Абрамова, 1993, с. 26].

Самые поздние погребения, синхронизируемые с наиболее ранними комплексами аланской культуры, были совершены в катакомбах типа I и содержали индивидуальные и парные захоронения с преобладанием вытянутого положения погребенных на спине (в одном случае – скорченное положение); кости животных в погребениях отсутствуют [Абрамова, 1993, с. 121, 129–131]. Данные признаки свидетельствуют о трансформации основных обрядовых признаков в традицию аланской культуры раннего этапа.

М.П. Абрамовой первоначально хронологические рамки могильника рассматривались как I в. до н.э. – III в. н.э. [Абрамова, 1972]. Позднее она откорректировала их, распределив погребальные комплексы по трем хронологическим группам: III–I вв. до н.э., I – начало II в. н.э., II – первая половина III в. н.э. [Абрамова, 1993]. При этом важно отметить, что наиболее поздние погребения [Абрамова, 1972, рис. 8, 9, 13] по сочетанию в них находок не выходят за рамки середины – второй половины II в. н.э. (см. ниже).

Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным навершием (рис. 8,9,10) датируются III–I вв. до н.э. (см. выше). Кинжал с кольцевидным навершием без металлического перекрестья (рис. 8,11) происходит из комплекса, датирующегося около рубежа эр [Абрамова, 1993, с. 71]; по И.И. Марченко, подобные кинжалы появляются в I в. до н.э. и существуют в I–II вв. н.э. [Марченко, 1996, с. 55].

Колчаные крючки – характерная категория находок в погребениях III–I вв. до н.э., но практически неизвестны в первые века н.э. [Абрамова, 1993, с. 76–77]. Обращает на себя внимание бронзовый колчаный крюк из погребения 100 с зооморфным оформлением окончаний (рис. 8,12). Аналогичный бронзовый предмет обнаружен во впускном погребении 5 кургана 1 могильника Марьинская-5 [Канторович, Маслов, 2009, рис. 106,1]. Погребение, очевидно, было совершено в катакомбе типа II, о чем свидетельствовал перепад уровня дна от ног к голове. Погребенный был уложен в дощатом гробу, в вытянутом положении на спине головой на СЗ. Инвентарь, помимо трех керамических сосудов (двух кувшинов и миски), состоял из предметов вооружения – кинжала с серповидным навершием и прямым перекрестьем и набора наконечников стрел: одного бронзового трехгранного скифского типа (использован вторично), 10 железных и двух пулевидных костяных. Темляк кинжала украшала крупная полихромная стеклянная бусина, находящая аналогии в материалах Тенгинского могильника конца III – первой половины II в. до н.э. [Канторович, Маслов, 2009, рис. 105,1; Беглова, Эрлих, 2018, рис. 187,13]. По аналогии с нижнемарьинской, оценка нижней хронологической границы нижнеджулатской находки может рассматриваться в тех же рамках.

Различных форм пряжки с неподвижным боковым выступом или крючком (рис. 8,1), грибовидными выступами с внешней стороны датируются в рамках III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 97–98, 164, рис. 48, 49]. Пряжки с округлыми или прямоугольными рамками и подвижным язычком без щитка (рис. 8,3) широко распространены в комплексах начиная с I в. н.э., появляясь в конце I в. до н.э. (см. выше). Железные пряжки с удлиненной в задней части фигурной рамкой без

щитка (рис. 8,2) являются репликами центральноевропейских ременных застежек раннеримского времени [Малашев, 2007б, рис. 1,13–18], имеют аналогии в регионе [Абрамова, 1993, рис. 58,13–15] и датируются I – первой половиной II в. н.э. (см. выше). Железная пряжка с фигурной, укороченной в задней части рамкой (рис. 8,4) также является подражанием центральноевропейским образцам, но более позднего времени – второй половины II – первой половины III в. н.э. (например, см.: [Малашев, 2000, рис. 3А,2,3, 5А,3]). Пряжки с округлыми рамками, прямоугольными щитками и прогнутыми язычками без уступа у основания, не доходящими в передней части до середины сечения рамки (П1) (рис. 8,5–7), появляются в первой половине II в. н.э. [Абрамова, 1987, рис. 45], распространяются во второй половине этого столетия и продолжают использоваться в первой половине III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 195, 198, 209].

Двухчастный наконечник-подвеска (рис. 8,8), судя как по форме зажима, так и подвески, является грубым подражанием аналогичным по конструкции образцам, распространенным в памятниках позднесарматской культуры степи и характерным для второй половины II в. н.э. [Малашев, 2000, рис. 3В,2,3, 3Д,4,5].

Три застежки относятся к фибулам среднелатенской схемы. Одна из них (рис. 8,18) может быть атрибутирована как проволочная надвязная «неапольского» варианта (группа 2, подгруппа 3 по классификации А.К. Амброза) с датировкой в пределах I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22]; при этом небольшой треугольно расширенной ножкой она очень напоминает так называемые зарубинецкие застежки (группа 2, подгруппа 2 – [Амброз, 1966, с. 16]). В.В. Кропотов данный образец отнес к фибулам группы 2, серии III, формы 2, датируемым второй половиной или последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. [2010, с. 56]⁷. Определение конструкции еще одной фибулы осложнено ее фрагментарностью (рис. 8,17), но не исключено, что она имела аналогичную форму. В.В. Кропотов включил эту застежку в группу 2, серию IV своей классификации, датировав в пределах второй половины II – I в. до н.э. [2010, с. 57–59]. Еще одна фибула среднелатенской схемы с буси-

ной на спинке (рис. 8,16) имеет близкую аналогию в материалах Чегемского кургана (рис. 5,2) и должна относиться к группе 2, серии III, форме I с датировкой в рамках второй половины или последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 54–56].

Две фибулы-броши (рис. 8,14,15) достаточно индивидуальны, не имеют точных аналогов и соотносятся с подобными застежками общей типологической и стилистической близостью; М.П. Абрамова датировала их II–I вв. до н.э. [1993, с. 86].

Три фибулы (рис. 8,19,20,24) относятся к шарнирным дуговидным центральнокавказской серии по В.Ю. Малашеву, которые датируются от первой половины II по первую половину III в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 133–134]. Основной период бытования лучковых одночленных фибул (рис. 8,21) группы 15, серии I, варианта 3 по А.К. Амброзу [1966, с. 49–50] или группы 4, серии I, варианта 3 по В.В. Кропотову [2010, с. 72–74] – середина II в. н.э. (см. выше). Сильно профилированные фибулы (рис. 8,22,23) атрибутируются как группа 11, серия 1, вариант 1 по А.К. Амброзу с датировкой вторая половина I – первая половина II в. н.э. [1966, с. 40] или группа 10, серия II, форма 1 по В.В. Кропотову [2010, с. 229–233], который согласился с мнением М.П. Абрамовой относительно используемых критериев для выделения хронологически показательных вариантов и отказался от оценки хронологии каждой из выделенных им форм 1–3. В.Ю. Малашев присоединился к мнению А.С. Скрипкина о том, что на уровне тенденции застежки с пластинчатыми спинками занимают более позднюю хронологическую позицию, чем со стержневидными, лишь частично с ними синхронизируясь; для первой половины III в. н.э. фибулы со стержневидной спинкой уже не характерны [Скрипкин, 1977, с. 110; Габуев, Малашев, 2009, с. 131, 134]. Рассматриваемые нижнедзулатские застежки происходят из комплекса с вещами второй половины II в. н.э. [Абрамова, 1972, рис. 9].

Зеркала с валиком по краю диска и ручкой-штырем (рис. 8,36,37) датируются III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 44] (см. выше). Зеркала-подвески с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне (рис. 8,32,33) характерны, главным образом,

для середины I – первой половины II в. н.э. (см. выше). Зеркало-подвеска с боковым ушком, небольшим коническим утолщением на обратной стороне и дополнительным оформлением рельефным знаком в виде креста (рис. 8,34) аналогично зеркалу из Чегемского кургана (рис. 4,24) и датируется первой половиной II в. н.э. (см. выше). Орнаментация зеркала-подвески с боковым ушком в виде квадрата в центре и кольца по периметру, заполненного отрезками радиальных линий (рис. 8,35), находит многочисленные аналогии как на зеркалах данного типа, так и на зеркалах с центральной петлей из комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. [Косяненко, 2008, табл. 17,1,3; Гавритухин, Малашев, 2018, с. 106–107].

Серьги с длинными разомкнутыми концами (рис. 8,29) датируются начиная с I в. н.э. [Малашев и др., 2015, с. 90–91]. Серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 8,30,31) имеют широкую дату, но более характерны для последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. [Абрамова, 1987, с. 158].

Бронзовые петли, являющиеся предметом женского костюма и используемые в качестве застежек, встречаются в погребениях, как правило, попарно и датируются преимущественно в рамках второй половины II – середины III в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 138, рис. 139,5–16], но их находки известны в комплексах второй половины третьего столетия [Малашев, 2018, рис. 1065,6, 1250,3, 1344,11].

Обращает на себя внимание красноглиняный, покрытый красной краской лощеный сосуд на низком поддоне с налепными парными ручками (рис. 8,38), который М.П. Абрамова считала меотской продукцией, подражающей краснолаковым мискам [Абрамова, 1993, с. 61]. Данная атрибуция не совсем верна; килик принадлежит к группе краснолаковой керамики – боспорской сигиллате⁸, которая производилась на территории Боспорского царства примерно с середины II в. до н.э. до конца I в. до н.э. – начала I в. н.э., когда ее сменяет понтийская сигиллата [Домжалевский, Журавлев, 2003]. Большая часть комплексов, содержащих боспорскую сигиллату, может быть отнесена ко второй половине I в. до н.э. Найдки этой посуды представлены на территории как Европейского, так и Азиатского

Боспора и Танаиса, но пока практически не известны в варварских памятниках. Миска из Нижнего Джулата соответствует форме 2 по К. Домжалскому, которую он по находкам в Мирмекии и «доме Хрисалиска» на Тамани, разрушенном в конце I в. до н.э., датировал I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Domžalski, 1996, p. 98, fig. 1, 11; Сокольский, 1976, рис. 53, 3, 4]. Однако эта форма, очевидно, датируется более широко. Подобные сосуды встречены в комплексе конца II в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. в Пантикапее [Lomtadze, Zhuravlev, 2004, p. 205, 209, fig. 2, 1] и слое пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского, датированного около 135/131 гг. до н.э. [Зайцев, 2003, с. 14, рис. 59, 5].

Таким образом, хронология могильника может рассматриваться как III в. до н.э. – II в. н.э., при этом комплексы второй половины II в. н.э. уже можно атрибутировать как относящиеся к погребениям аланской культуры раннего этапа.

Заманкульские курганы (курганы 1–3), Правобережный район Республики Северная Осетия – Алания [Ростунов, 1993; 1994; 1995; Ростунов, Березин, 2007]. В общей сложности было исследовано 129 погребальных комплексов⁹ и 12 комплексов из насыпей, содержащих керамические сосуды. Учитывая близость расположения курганов, можно считать, что они оставлены одной популяцией (населением одного поселения), и рассматривать данную выборку в совокупности. Почти в 40 % случаев форма погребального сооружения не устанавливается (вследствие нахождения в насыпи); по всей видимости, захоронения могли быть совершены в ямах без дополнительных конструкций, которые в достоверно зарегистрированных случаях составляли 22 %. Сравнительно часто погребения были совершены в катакомбах. Катакомбы типа II (рис. 9, 2, 3, 5) составляли 12 %, а с учетом случаев, когда фиксировался выраженный перепад дна или нахождение сосудов в некотором отделении от погребенного, что позволяет предполагать камерное захоронение данного типа, они могли достигать 28 %. Катакомбы типа I (рис. 9, 1, 4) уступали по численности – 10 %. Преобладают индивидуальные погребения, изредка встречаются парные и, как исключение, коллективные (3–6 погребенных),

в том числе многообразные захоронения [Ростунов, Березин, 2007, с. 13]. Захоронения в катакомбах в четырех случаях сопровождались погребениями лошадей во входных ямах. В четырех случаях зафиксированы захоронения лошадей в отдельных ямах.

Доминирует положение погребенных вытянуто на спине, сравнительно часто встречалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (13 случаев), в двух комплексах захороненные лежали скорченно на левом боку. В ориентировке погребенных выделяются 4 группы: 1) сектор СЗ – ЗЮЗ (43 %), 2) сектор ЮЗ – ЮВ (33 %), 3) сектор ССЗ – СВ (17 %), 4) сектор восток – ВСВ (7 %). По наблюдениям Я.Б. Березина, в ранней группе захоронений костяки ориентированы в западный сектор, в поздней – в восточный и южный сектора; единичные случаи ориентировки – в северный сектор [Ростунов, Березин, 2007, с. 13].

Кости животных в погребениях встречались редко: дважды рядом с погребенным и 1 раз в миске. В 7 случаях обнаружены сосуды с гальками.

В.Л. Ростунов и Я.Б. Березин датировали погребения Заманкульских курганов III в. до н.э. – I в. н.э. [Ростунов, Березин, 2007, с. 23]; рассмотрение ряда хроноиндикаторов приведено в их работе [Ростунов, Березин, 2007, с. 15–22]. В качестве основания для нижней даты указана находка ножки фасосской амфоры III в. до н.э. [Ростунов, Березин, 2007, с. 16]. При этом датировка некоторых предметов нуждается в уточнении.

Чернолаковый сосуд на конической ножке с невысоким цилиндрическим горлом, каннелированным туловом и парными вертикальными ленточными ручками (рис. 11, 2) может быть атрибутирован как неаттический канфар – продукция понтийской группы (по А. Божковой) [Bozkova, 1997, p. 11, fig. 5]¹⁰. На данном этапе исследований вопрос о месте производства керамики этой группы остается открытым, а время бытования рассматривается достаточно широко – от последней четверти III в. до н.э. до 30-х гг. II в. до н.э. [Егорова, 2019, с. 126–127, рис. 2, 4–7]. Один из канфаров этой группы был найден в погребении 38/1901 г. Ольвийского некрополя вместе с монетой конца III в. до н.э. [Парович-

Пешикан, 1974, с. 80]; однако ближайшей аналогией рассматриваемому предмету можно считать канфар из погребения 60/1902 г. [Парович-Пешикан, 1974, с. 80, рис. 76,3–5].

Стекланный скифос (рис. 11,1) атрибутируется как тип I (скорее, вариант 1, но его установление затруднено из-за отсутствия части информации о морфологии ручки) с датировкой, в этом случае, серединой II – началом I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995; Лимберис, Марченко, 2003, с. 108].

О датировке клинкового оружия с серповидным навершием, как с металлическим брусковидным перекрестьем (рис. 11,3), так и без него (рис. 11,5), – см. выше. Кинжал с прямым перекрестьем, прямым брусковидным навершием и широкой массивной рукоятью (рис. 11,4) ассоциируется с клинковым оружием IV в. до н.э. [Клепиков, Скрипкин, 2002, рис. 1А,10,12,16]. И.И. Марченко для Прикубанья определяет их дату IV – концом III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 48–49]. Но в контексте данного памятника IV в. до н.э. из его датировки следует исключить.

Пряжки с неподвижным боковым выступом (рис. 11,17–19), в том числе имеющие грибовидные выступы с внешней стороны, датируются в рамках III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 97–98, 164, рис. 48, 49]. Выделяются две ременные застежки с прямоугольными рамками и ажурным зооморфным изображением внутри рамок (рис. 11,17,18), которые, скорее всего, можно считать местными репликами ажурных и решетчатых пряжек раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. [Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 62–66, рис. 4А,5–13, 5А,5; Ростунов, Березин, 2007, с. 19]. Железные пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком без щитка (рис. 11,20) являются характерным предметом инвентаря не ранее конца I в. до н.э. (см. выше).

Находки шлемов (рис. 11,6,7) ранее уже были охарактеризованы и проанализированы [Ростунов, Березин, 2007, с. 17–18; Глебов, Дедюлькин, 2021, с. 287].

Две застежки, несомненно, относятся к фибулам среднелатенской схемы. Первая из них (рис. 11,12) – проволочная скрепленная (группа 2, подгруппа 3 по А.К. Амброзу) – датируется I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 21]. В.В. Кропотов подобные застежки объединя-

ет в группу 2, серию I, вариант 1 своей типологической схемы и относит ко второй половине (последней четверти) II – первой половине I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 41–45]. Вторая фибула (рис. 11,13) может быть атрибутирована как проволочная надвязная застежка «неапольского» варианта (группа 2, подгруппа 3 по А.К. Амброзу), типичная для I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22], хотя и отличается от классических «неапольских» образцов небольшой треугольной расширенной ножкой. Очень близка ей по форме фибула из Заюково [Абрамова, 1993, рис. 28,12], по сути отличающаяся от заманкульской лишь наличием проволочной «восьмерки» перед завязкой. В.В. Кропотов относит последнюю к группе 2, серии III, форме 2 и датирует второй половиной или последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 56]. Вероятно, в этих же рамках следует датировать и заманкульской образец. Не исключено, что среднелатенскую конструкцию также имела и фрагментированная фибула с крупной хрустальной бусиной на спинке (рис. 11,15). В этом случае ее следует относить к группе 2, серии III, форме 1 по классификации В.В. Кропотова и датировать в пределах второй половины / последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 54–56].

Одна застежка (рис. 11,14) по В.В. Кропотову атрибутируется как фигурная брошь с шарниром из двух стоек (группа 16, форма 12), датируемая второй четвертью – серединой или второй половиной I в. н.э. [2010, с. 302–305, 314–315].

Одна фибула (рис. 11,10) относится к раннеримским шарнирным дуговидным группы 5 типа «AVCISSA» по А.К. Амброзу с датировкой первой половиной I в. н.э. [1966, с. 26] или к группе 13, форме 2 по В.В. Кропотову, датируемой на территории римских провинций концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 264–265]. Однако в центральных и восточных районах Северного Кавказа данные застежки встречаются позже (во второй половине I в. н.э.), на что указывает их сочетание с лучковыми одночленными фибулами варианта 2 [Абрамова, 1987, рис. 16] (см. ниже).

Наиболее поздней является лучковая одночленная фибула группы 15, серии I, варианта 2 (рис. 11,16) по А.К. Амброзу [1966,

с. 49] или группы 4, серии I, варианта 2 по В.В. Кропотову, датирующаяся серединой I – началом II в. н.э. [2010, с. 72–74].

Зеркала с валиком по краю диска и ручкой-штырем (рис. 11,8) датируются III–I вв. до н.э. (см. выше). Хронология зеркал-подвесок с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне (рис. 11,9) – середина I – первая половина II в. н.э. (см. выше).

Ведеркообразная подвеска (рис. 11,21) происходит из комплекса, содержавшего железную пряжку с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 11,20), а также подвески из фаянса (рис. 11,24,27), которые определяют дату не ранее I в. н.э. Синхронная ей ведеркообразная сдвоенная подвеска происходит также из Чегемского кургана (рис. 5,15). Позднее, в III–IV вв. н.э., аналогичные подвески встречаются в погребальных комплексах раннего этапа аланской культуры [Малашев, 2018, рис. 1381,112, 1468,8]. При этом в погребениях последних веков до н.э. они не известны.

Таким образом, датировка памятника оценивается как III в. до н.э. – начало (первая половина) II в. н.э.

Могильник Брут 1, курган 22, Правобережный район Республики Северная Осетия – Алания [Куринских, Малашев, 2012, с. 204]. Курган содержал 13 впускных погребений последних веков до н.э. Преобладали захоронения в катакомбах (7): типа II – 6, типа I – 1. Четыре погребения были совершены в ямах; в остальных случаях тип погребального сооружения не устанавливается вследствие нахождения в насыпи. Ориентировки в секторе СЗ – юг составляют 11 случаев, в одном случае зафиксирована СВ ориентировка.

Группа курганов-кладбищ находится в западной части Чеченской республики [Бурков, Прокопенко, 2008]. Учитывая близость расположения исследованных курганов, входящих в состав каждого могильника, можно считать, что они оставлены тремя отдельными популяциями и, по аналогии с Заманкульскими курганами, их можно объединить и рассматривать совокупно как три могильника.

Могильник Бамутский поворот, группа I (курганы 1, 3, 4), и Бамутский поворот, группа II (курган 1), Серноводс-

кий район Чеченской Республики¹¹. Анализируемая выборка включает в себя 31 погребение, 1 комплекс, состоящий из сосудов, а также отдельные сосуды и их фрагменты из насыпи. Формы погребальных сооружений не прослеживались. Примерно в трети захоронений фиксировалось выраженное понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для захоронений в катакомбах типа II. Преобладает вытянутое положение погребенных на спине; в 3 погребениях фиксировалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями и в одном – скорченно на правом боку. Доминирует ориентировка погребенных в секторе СЗ – юг, составляющая 92 %.

Кости животных в погребении находились отдельно (2 случая) и в миске (1 случай). В одном погребении обнаружен сосуд с гальками и еще в одном – камень.

Погребальные комплексы данного памятника не содержат хронологически показательных предметов инвентаря (в одном погребении встречены железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел). Синхронизация с памятниками рассматриваемого круга произведена на основе керамического комплекса.

Могильник Орджоникидзевский, курганы 1 и 14, Ачхой-Мартановский район Чеченской Республики¹². В двух курганах зафиксированы 52 погребения, 35 комплексов из керамических сосудов, а также фрагменты сосудов из насыпи. Для большей части захоронений форма погребальных сооружений не прослеживалась. В ряде захоронений фиксировалось отчетливое понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для захоронений в катакомбах типа II. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине; в 3 погребениях фиксировалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Выразительно преобладает ориентировка погребенных в секторе СЗ – юг (82 %).

Кости животных встречались отдельно (2 случая), в миске (1 случай) и в миске с ножом (1 случай). В 5 погребениях находились сосуды с гальками и в одном – с гальками и цепью в одном сосуде.

Стекланный литой скифос (рис. 16,2) может быть атрибутирован как тип I, вариант 1, датированный серединой II – началом I в. до н.э., или тип IIa, вариант 1, который характерен для конца II – первой половины I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995; Лимберис, Марченко, 2003, с. 108].

Мечи без металлического перекрестья с серповидным навершием (рис. 16,4,5) датируются от второй четверти – середины III до начала I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 141].

Зеркала с валиком по краю диска (рис. 16,8) датируются III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 33, 44]. Зеркала без ручек с плоским диском (рис. 16,7) имеют широкий период использования в рамках IV–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 33, 44]. Датировка зеркала с гладким диском и едва намеченным насадом (с отверстием для фиксации) под раздельную ручку (рис. 16,6) – см. выше, Чегемский курган.

Серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота более характерны для комплексов последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. (см. выше).

Датировка памятника может рассматриваться в рамках III–I вв. до н.э.

Могильник Самашкинский, курганы 2 и 3, Ачхой-Мартановский район Чеченской Республики¹³. В общей сложности зафиксировано 41 погребение и 1 комплекс из керамических сосудов. Форма погребальных сооружений в основном не прослеживалась. В ряде захоронений фиксировалось отчетливое понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для захоронений в катакомбах типа II. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине; в 4 погребениях фиксировалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Преобладающая ориентировка погребенных – в секторе СЗ – юг (74 %).

Кости животных находились в миске (5 случаев) и в миске с ножом (1 случай). В 2 погребениях зафиксированы сосуды с гальками, в одном погребении были обнаружены зернотерка и два терочника.

Погребальные комплексы данного памятника содержат немного показательных для оценки хронологии вещей. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел

и серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 16,9,10) не имеют узкой даты и чаще встречаются в комплексах последних веков до н.э., чем в I–II вв. н.э. (см. выше). Сероглиняный кувшинчик с хорошо сформированным четырехлепестковым устьем (рис. 16,3) является продукцией керамических мастерских, скорее всего, Южного Дагестана, выполнен в традициях Кавказской Албании и находит аналогии в Шаракунском и Мамрашском могильниках [Давудов, 1996, с. 103–104, рис. 35,12, 37,4]. Их хронология специально не разрабатывалась, но, видимо, они более характерны для I–II вв. н.э., чем для последних веков до н.э. [Давудов, 1996, с. 194–197]; в пользу данной оценки свидетельствует находка реплики морфологически близкого кувшинчика, но не с четырехлепестковым оформлением устья, из комплекса II в. н.э. [Малашев, 2016, рис. 47,4]. Исходя из этого, памятник может быть датирован в широких рамках от III/II в. до н.э. до I/II в. н.э.

Львовский VII, курган 4, Бабаюртовский район Республики Дагестан. Представлял собой небольшую естественную возвышенность [Маслов и др., 2016, с. 5] и содержал 40 погребений, а также 12 комплексов из керамических сосудов и серию отдельных находок в насыпи. Анализ погребального обряда представлен в монографии: [Маслов и др., 2016, с. 28–30].

Формы погребальных сооружений не прослеживались, за исключением одного погребения, совершенного в подбое [Маслов и др., 2016, с. 29]. В ряде захоронений фиксировалось выраженное понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для погребений в катакомбах типа II [Маслов и др., 2016, с. 30]. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине; в 2 погребениях фиксировалась сильно скорченная поза погребенных на левом и правом боку [Маслов и др., 2016, с. 28], и в одном – на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями [Маслов и др., 2016, с. 30]. Ориентировка погребенных неустойчивая, выделяются два сектора: 1) сектор СЗ – ЮВ – 58 %, 2) сектор север – восток – 42 % [Маслов и др., 2016, с. 113].

В 16 погребениях и 7 комплексах зафиксированы кости животных с ножом или без

него, находившиеся как в миске, так и отдельно. В ряде погребений, комплексов, а также отдельно в насыпи обнаружены каменные орудия труда (плитки, зернотерки, терочник) и камни без следов обработки [Маслов и др., 2016, с. 41].

Датировка памятника – в рамках от II в. до н.э. до рубежа эр [Маслов и др., 2016, с. 44].

Зеленоморский курган, Карабудахкентский район Республики Дагестан; исследовался Дагестанской экспедицией ИА АН СССР в 1985–1986 гг. и Приморским отрядом ИИЯЛ ДФ АН СССР [Пярых и др., 1986; Салихов, 1986; 1988]. В общей сложности раскопано 53 погребальных комплекса¹⁴.

Вследствие незначительной глубины захоронений было сложно проследить форму погребальных сооружений. При этом, судя по таким признакам, как выраженное понижение или повышение дна ямы к голове погребенного, наличие небольших углублений (около 10 см) в дне ямы для погребенного и расположение инвентаря рядом с погребенным, но за пределами «контуров ямы», большая часть погребальных сооружений может быть интерпретирована как захоронения в катакомбах типа II. При этом, несомненно, были захоронения и в ямах без дополнительных конструкций; в 4 случаях, предположительно, зафиксированы погребения в подбоях. Необходимо отметить захоронение с диагональным положением погребенного [Салихов, 1986, рис. 105]. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине, в 2 случаях фиксируется положение погребенного на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Ориентировка погребенных неустойчивая. Можно выделить три сектора наиболее массовых направлений: 1) сектор ЮЮЗ – СЗ – 54 %, 2) сектор ЮЮВ – СВ – 33 %, 3) сектор ССЗ – ССВ – 13 %.

Важными признаками обряда можно считать сосуды с гальками [Салихов, 1986, рис. 80, 84, 22–29, 114] или с цепочкой [Салихов, 1986, рис. 125, 126, 2]. Обращают на себя внимания случаи находок костей животных (преимущественно КРС), часто с ножом, обнаруживаемых как в миске, так и рядом с погребенным. Достаточно часто в погребениях встречались крупные каменные орудия труда (плитки, зернотерки).

Нижняя хронологическая граница на основании ряда форм керамического комплекса и находок колчаных крюков (рис. 21, 7, 8), часто встречающихся в комплексах III–I вв. до н.э. и практически неизвестных позднее [Абрамова, 1993, с. 76–77], уходит в последние века до н.э. Зеркала с раздельной ручкой, гладким диском и вырезом под ручку (рис. 21, 12), как уже говорилось, характерны для памятников Кубани конца III – II в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 17]. Зеркала с валиком по краю диска (рис. 21, 13) датируются III–I вв. до н.э. (см. выше). Этому не противоречит хронология железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел, серег в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 21, 3–6), которые более характерны для последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. (см. выше). Мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием (рис. 21, 11) имеют широкие хронологические рамки (см. выше).

Верхняя граница связана с I в. н.э. на основании присутствия в анализируемой выборке погребения с диагональным положением погребенного – одним из диагностических признаков среднесарматской культуры, комплекта стержневидных псалий с овальными расширениями на концах (рис. 21, 10), тип которых восходит к так называемым очковидным псалиям, распространенным со среднесарматского времени [Симоненко, 2010, с. 165–168], серег с длинными разомкнутыми концами, характерных (рис. 21, 1, 2) для времени не ранее I в. н.э. (см. выше), и наличия в кургане красноангобирванной керамики [Салихов, 1986, с. 7, 9], датирующейся не ранее I в. н.э. [Гаджиев, 2002, с. 100].

Таким образом, датировка Зеленоморского кургана может рассматриваться от II–I вв. до н.э. до I в. н.э.

Могильник Манаскент I, Карабудахкентский район Республики Дагестан; исследовался Дагестанской экспедицией ИА АН СССР в 1985 г. [Пярых и др., 1986; Маслов и др., 2013]. Курган 2 содержал 7 погребений последних веков до н.э. (№ 2–4, 7–9, 12), в двух курганах встречены еще 4 погребения (кург. 8, погр. 2 и 3, кург. 10, погр. 1 и 2), которые можно отнести к данному периоду. Формы погребальных сооружений не всегда достоверно устанавливаются вследствие незначительной глубины или разрушения насыпей курганов.

Преобладают овальной формы ямы; один раз зафиксирована катакомба типа II (рис. 22, I), еще в трех случаях можно предполагать использование катакомб подобного типа. Ориентировка погребенных: СЗ – 4, ССЗ – 2, по одному разу – западная, ЗЮЗ и ССВ, с преобладанием в секторе ССЗ – ЗЮЗ. Из других обрядовых особенностей отметим наличие костей животного в миске.

Данный памятник выделяется сравнительно небольшим количеством захоронений и сближается с курганом 22 могильника Брут 2. Датировка – II–I вв. до н.э. [Маслов и др., 2013].

Представленная выше выборка памятников практически полная, вполне репрезентативная, позволяющая делать определенные заключения относительно их общности. Основными диагностическими признаками данной группы памятников являются общие черты погребального обряда, единство керамического комплекса и синхронность в рамках III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. Важно и то, что все памятники находятся в одной ландшафтной зоне, что подразумевает сходство хозяйственного уклада населения, оставившего их. Наиболее важными диагностическими признаками являются погребальный обряд и керамический комплекс.

Погребальный обряд. Общая выборка насчитывает 452 погребальных комплекса. Памятники интерпретируются как курганы-кладбища, в которых анализируемые погребения являлись впускными в насыпи более ранних курганов. Курганы содержали различное количество погребальных комплексов, достигавшее 135 в Чегемском кургане. Отдельные курганы включали порой небольшое количество погребений (от 4 до 13), однако расположение этих курганов вблизи друг друга в рамках одного памятника дает основание считать эти погребальные комплексы как оставленные одной популяцией и рассматривать совокупно (Заманкульские курганы, Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский). Большая часть памятников содержала от 11 до 76 комплексов. Статистически их можно представить в виде трех совокупностей с максимумом в средней по численности части выборки: 129–135 (2 памятника), 31–76 (5 памятников) и 11–13 (2 памятника).

Вследствие того, что часть погребений находилась в насыпи или имели место сложности, связанные с характером материкового грунта и неконтрастным заполнением, формы погребальных сооружений не всегда были прослежены, а погребения фиксировались на уровне залегания скелетов и инвентаря. Это ограничивало интерпретационные возможности, касающиеся понимания форм погребальных сооружений, и приводило к их обобщенной оценке как о захоронениях в ямах.

В ряде памятников выражено преобладали захоронения в катакомбах (Чегемский курган, Нижне-Джулатский могильник, курган 22 Брут 1); в других они составляли значимую часть форм погребальных сооружений (Заманкульские курганы) или давали основания предполагать их использование (Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский, Львовский VII, Зеленоморский курган, Манаскент I). В Чегемском кургане и Нижне-Джулатском могильнике катакомбы типа I численно преобладали над катакомбами типа II¹⁵. В Заманкульских курганах и кургане 22 Брут 1 катакомб типа II было заметно больше, чем катакомб типа I. В расположенных восточнее памятниках катакомбы типа I неизвестны; здесь, судя по ряду косвенных признаков, предполагается использование катакомб типа II. Кроме того, в Заманкульских курганах и памятниках, расположенных далее к востоку, фиксируется большее количество ям, а также встречаются захоронения в подбоях. Для обряда Нижне-Джулатского могильника, Чегемского и Заманкульских курганов характерно использование катакомб для многогрозных захоронений.

У погребенных доминирует вытянутое положение на спине. Значимую часть составляют поза на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (от 4 до 15 %) и скорченное положение на левом или правом боку (от 2 до 15 %). Ориентировка погребенных не очень устойчива. Для большей части памятников – Брут 1, Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский, Львовский VII, Зеленоморский курган, Манаскент I – преобладающей является ориентировка в секторе СЗ – юг, составляющая от 60 до 100 %. Три самых крупных некрополя – Чегемский курган, Нижне-Джулатский могильник, Заманкульские

курганы – дают более широкий разброс по секторам, но сектор СЗ/ССЗ – юг остается наиболее массовым (за исключением Нижне-Джулатского могильника, где на него приходится около половины ориентировок).

Диагностически важными являются находки ритуальных сосудов с гальками или с цепочкой¹⁶, являющиеся показательными для комплексов III–I вв. до н.э. Первые характерны почти для всех могильников, исключая курган 4 Львовский VII и Манаскент I, и обнаружены в 3–10 % комплексов. Сосуды с цепочкой встречены в Чегемском кургане, Нижне-Джулатском могильнике, Орджоникидзевском могильнике и Зеленоморском кургане, где они известны в 2–8 % погребений. Достаточно широко распространен еще один обрядовый признак – кости животных (с ножом и без ножа), как в миске, так и рядом с погребенным.

Памятники также связывают и такие черты обряда, как находки сосудов в насыпи (Заманкульские курганы, Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский, Львовский VII), захоронение лошадей во входных ямах катакомб и в отдельных ямах (Заманкульские курганы, Чегемский курган), находки крупных каменных орудий труда – зернотерок, терочников и др. (Самашкинский, Львовский VII, Зеленоморский курган).

Керамика. В работе М.П. Абрамовой [1993] приведена систематизация керамики, в которой учтены сосуды из некоторых рассматриваемых нами памятников. В нашей работе детализация по типам М.П. Абрамовой дается не всегда; здесь достаточно продемонстрировать наличие общих форм и орнаментации, объединяющих памятники в рамках одной традиции.

Кувшинчики и кувшины. Для данной группы посуды характерны формы с низким, расширяющимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, и сфероконическим или расширяющимся к основанию туловом; небольшие ручки находились полностью на плечиках или крепились к ним нижним прилепом, а верхним – к горлу, верхний прилеп оформлен в виде выступа (рис. 2,16–26, 7,3–7, 10,1–4,6, 12,5–7,10–13, 13,1,3, 15,1,11, 18,12, 19,3–5,7,8,13). Для III–I вв. до н.э. чрезвычайно характерна орнаментация в виде пуч-

ков вертикальных каннелюр в сочетании с поясами горизонтальных желобков, «волны» и оттисков штампа (см., например, рис. 2,16–18,21,22,24 и т. д.).

Морфологически и орнаментально близки кувшинам *корчаги* (рис. 10,7, 12,2–4,8,9, 13,5,6, 15,3, 19,1,2,6). В могильниках Орджоникидзевском и Бамутский поворот формы корчаг выделяются своим морфологическим своеобразием – высоким горлом и в ряде случаев сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 13,7,8,13, 15,2), вызывающим ассоциации с соответствующей категорией посуды кобанской культуры.

Основными формами *кружек* являются следующие. Кружки без выделенного горла, с расширяющимся к основанию туловом, широким дном и ручкой с выступом на верхнем прилепе, находящейся в средней части тулова; орнаментация в виде пучков вертикальных каннелюр в сочетании с поясами горизонтальных желобков, «волны», ломаной линии и оттисков штампа (рис. 2,1,2,5–9,15, 7,18, 10,8, 12,23, 18,6,9, 19,14); характерны для III–I вв. до н.э. Кружки с низким, расширяющимся к основанию горлом, сферическим или расширяющимся к основанию туловом и ручкой, расположенной в средней части тулова или на плечиках; орнаментация – в виде пучков вертикальных каннелюр в сочетании с поясами узких горизонтальных желобков и оттисков штампа (рис. 2,3,4,11, 7,15–17, 10,5,9, 12,31, 13,16,17,19, 19,10,12). Кружки аналогичной формы, но ручка крепится верхним прилепом к венчику; оформление верхнего прилепа и орнаментация отсутствуют (рис. 2,10, 10,10, 12,26,27,32, 13,14,15). Неорнаментированные кружки усеченно-конической формы с ручкой в средней части тулова (рис. 2,12–14, 18,4,5, 19,11). Помимо этого в отдельных памятниках встречаются редкие формы кружек (рис. 12,24,25, 13,18–20, 15,5, 18,12,13).

Миски. Миски с загнутым внутрь бортиком. Встречаются экземпляры с орнаментацией стенок и бортика пучками вертикальных каннелюр в сочетании с горизонтальными линиями и «волной» (рис. 3,6–10, 7,13,14, 12,14–17, 14,1–3,5,6, 15,7,8, 17,1,4, 20,8–10), характерные для III–I вв. до н.э., а также декорированные по бортику горизонтальными желобками (рис. 3,1,2, 10,16, 12,17, 20,11), ко-

торые являются репликами меотской керамики I–II вв. н.э. [Березин и др., 2012, с. 48–49]. Миски с вертикальным, слабо загнутым внутрь или слегка отогнутым наружу бортиком и верхней поверхностью венчика, оформленной в виде выраженной горизонтальной или наклонной внутрь широкой площадки, восходят к морфологической традиции меотской посуды [Березин и др., 2012, с. 49]; площадка на венчике бывает орнаментирована пучками прочерченных линий (рис. 3,3, 7,8,9,11,12, 10,17,18, 12,19, 14,9,13, 17,2,3,7–11, 20,1,3–5). Миски с загнутым внутрь бортиком и выделенным снаружи венчиком (рис. 3,4,5, 12,18, 14,10, 20,6,7), по всей видимости, являются синтезом двух ранее рассмотренных разновидностей. Миски с загнутым внутрь или вертикальным бортиком, имеющим снаружи ручки-выступы на венчике (рис. 14,4,7,8, 17,6,12, 20,12, 22,2), являются принадлежностью комплексов курганов Орджоникидзевского могильника и Приморского Дагестана. Редкая разновидность мисок с высоким бортиком (чаще слегка загнутым внутрь) и отогнутым наружу венчиком; часть сосудов имеет небольшие, крепящиеся к бортику ручки (рис. 12,20–22, 14,11,12, 17,5, 20,2), что, возможно, восходит к традициям кобанской культуры [Козенкова, 2001, рис. 73, III тип, 74, VIII тип].

Ритуальные сосуды. Небольшие ритуальные сосуды различных форм чрезвычайно показательны для памятников типа Чегем-Манаскент и являются неотъемлемой частью наборов керамики из погребальных комплексов. Наиболее подробно они были рассмотрены М.П. Абрамовой [1993]. Ритуальные орнаментированные чаши полусферической формы с отогнутым наружу венчиком; известны формы с внутренней перегородкой в виде небольшого «кармана» (рис. 18,7,8, 19,19–21). Соотносятся с типом 1 по М.П. Абрамовой [1993, с. 53] и характерны для памятников современных Чечни и Дагестана. Ритуальные чаши аналогичной формы на полове поддоне, также часто декорированные по тулову и верхней поверхности венчика (рис. 3,11–19, 7,10, 10,19,20, 14,22, 18,1–3, 19,22), известны практически на всех памятниках данной группы и соотносятся с типом 2 по М.П. Абрамовой [1993, с. 53, 55].

Ритуальные сосуды (в том числе с гальками или цепочкой) усеченно-конической или шаровидной формы, как правило без выделенного венчика или со слегка обозначенным венчиком (тип 2 по: [Абрамова, 1993, с. 56–59]) (рис. 3,20–26, 7,21,22, 10,27–29, 19,15,23), шаровидные сосудики с желобчатым оформлением плечиков (тип 6 по: [Абрамова, 1993, с. 145]) (рис. 3,27,28) и горшковидные сосуды (тип 1 по: [Абрамова, 1993, с. 56]) (рис. 7,19,20, 12,29,30, 14,18,21) широко распространены в рассматриваемых памятниках; типы 2 и 6 менее характерны для могильников Чечни и Дагестана.

Сосуды усеченно-конической формы с двумя ручками-выступами (рис. 10,25), двуручные сосуды с ручками на тулове (рис. 7,23, 10,24) и двуручные сосуды с ручками, крепящимися верхними прилепами к венчику (рис. 7,24, 10,21–23, 12,28, 14,14–17,19,20, 15,13, 18,10,11, 19,16), известны на всей территории памятников данного типа, но чаще встречаются в восточной части ареала. В Зеленоморском кургане имеются два сосуда (рис. 19,17,18), являющиеся синтезом ритуальных чаш на поддоне и двуручных сосудов с ручками, крепящимися верхними прилепами к венчику.

В Чегемском могильнике встречены два ритуальных сосуда в виде миниатюрных полусферических чаш с коническими выступами на внутренней поверхности дна (рис. 3,29), а в Нижне-Джулатском подобный сосудик в виде плоской, относящийся к I – началу II в. н.э. [Абрамова, 1993, рис. 56,6,7,10, с. 145]. Их использование продолжается позднее, что иллюстрируют находки в погребениях аланской культуры III в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, рис. 28,23; Малашев, 2018, рис. 1118,3], позволяющие говорить о близости идеологических представлений населения региона первых веков н.э., оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, и носителей аланской культуры раннего этапа.

В целом керамический комплекс рассматриваемых памятников типологически сходен. При этом на формах сосудов Чегемского кургана, Нижне-Джулатского и Заманкульского могильников фиксируется влияние меотской керамики, что коррелируется с большим количеством импортов в сравнении

с памятниками более восточных территорий. Керамический комплекс могильников Прикаспийского Дагестана осложнен влияниями Кавказской Албании: присутствием в нем собственно ее керамической продукции [Маслов и др., 2016, с. 32] (рис. 19,9) или подражаниями (рис. 18,15)¹⁷. А в памятниках, находящихся на территории современной Чечни, достаточно отчетливо сохраняются черты керамики кобанской культуры (см. рис. 12,20–22, 13,4,7–10,17–19, 15,2,5), что отмечалось и М.П. Абрамовой [1993, с. 97].

Подводя итоги, можно сказать, что рассмотренные могильники объединяются общностью погребального обряда и керамического комплекса, характеризующими их культурный облик. Территориально они занимают равнинно-предгорную полосу центральных и восточных районов Северного Кавказа – от Кабардино-Балкарии до Прикаспийского Дагестана (рис. 23). Их хронология охватывает период от III в. до н.э. до начала (первой половины) II в. н.э. Основной период существования памятников типа Чегем-Манаскент приходится на II в. до н.э. – I в. н.э. Надежных индикаторов III в. до н.э. не так много, что, впрочем, за исключением Прикубанья, характерно для всей территории Азиатской Сарматии. Уточнить датировки в рамках третьего столетия до н.э. сложно, но, по всей видимости, речь может идти о поздней его части. Для верхней границы имеются более точные оценки, а сама она «упирается» в начальный период (ранний этап) аланской культуры, формирование которой завершается ко второй половине II в. н.э. [Малашев, 2007а, с. 492–494]. Показательно, что комплексы второй половины II в. н.э. Нижне-Джулатского могильника имеют облик погребений аланской культуры раннего этапа, могут быть соотнесены с напластованиями соответствующего городища [Чеченов, 1967, с. 218, 223; Малашев, 2007а, с. 488] и свидетельствуют о непосредственной генетической связи памятников типа Чегем-Манаскент с аланской культурой Северного Кавказа.

Достаточно сложен вопрос о происхождении данного типа памятников. Ряд исследователей связывал формирование катакомб у населения северокавказских степей последних веков до н.э., а также носителей куль-

турного комплекса памятников типа Чегем-Манаскент со степными раннесарматскими традициями [Керефов, 1985, с. 219–223; 1988, с. 112; Виноградов, Березин, 1985, с. 52–55]. М.П. Абрамова отрицала их роль в формировании катакомб типа II последних веков до н.э. у населения северокавказских степей и считала, что массовость использования катакомб, начиная с IV–III вв. до н.э., у эллинизированного варварского населения Боспорской хоры является аргументом в пользу гипотезы о приоритете традиций последнего в формировании катакомбного обряда погребения у кочевников северокавказского региона [1993, с. 100]. То есть, по мнению М.П. Абрамовой, обряд захоронения в катакомбах типа II на Северном Кавказе не является сарматским по происхождению и распространяется с территории Тамани сначала у степного населения Прикубанья, а потом далее на восток – у степного населения Центрального Предкавказья [1993, с. 100]. Дополнительным основанием для этого послужили актуальные на то время данные о незначительном проценте катакомб типа II в контексте раннесарматской культуры волгоуральских и донских степей [Абрамова, 1993, с. 99]. Данный тезис на сегодняшний день требует существенной корректировки. Начиная с середины 90-х гг. прошлого века резко увеличилось количество комплексов раннесарматской культуры на территории Азиатской Сарматии, в первую очередь Южного Приуралья (до 18 % в отдельных некрополях [Мошкова и др., 2011, с. 166–167]), а также в памятниках северокавказских степей, которые содержат достаточно высокий процент захоронений в катакомбах типа II. Это ставит под сомнение гипотезу М.П. Абрамовой о роли античных традиций в формировании данной обрядовой черты и «уравновешивает» ее с гипотезой о «раннесарматском» генезисе. Довольно сложна для понимания и структурно нечеткая в построениях гипотеза М.П. Абрамовой о формировании катакомбного обряда у населения, оставившего памятники типа Чегемского кургана и Нижне-Джулатского могильника, потомками скифских и савроматских кочевников, переходивших к седентаризации при участии местного оседлого населения [1993, с. 102]. Тем не менее исследователи сходятся в одном – формирование культу-

ры оседлого населения, оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, происходило при участии переходивших к оседлому образу жизни кочевников и местного населения [Березин, Виноградов, 1988, с. 34–39]. М.П. Абрамовой [1993, с. 33–38] отмечались сходные черты в погребальном обряде степного населения северокавказских степей III–I вв. до н.э. и носителей культурного комплекса курганов-кладбищ, которые мы относим к древностям типа Чегем-Манаскент (по ее определению – грунтовых могильников): впускные погребения в более ранние насыпи курганов, использование катакомб типа II, определенные соответствия в ориентировке погребенных, преобладающее положение погребенных вытянуто на спине и при этом встречающаяся скорченная поза погребенных или положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями, расположение рук на тазе, присутствие костей животных в погребении, в том числе в миске с ножом, и сосудов с гальками или цепочкой.

В целом мы присоединяемся к данному положению и считаем, что облик материальной культуры памятников типа Чегем-Манаскент (морфология и технология керамики, металлообработка, предметы, свидетельствующие о земледелии) определяют традиции северокавказского оседлого населения, а формирование погребального обряда (захоронения в курганах-кладбищах, камерные погребальные сооружения в виде катакомб) – традиции кочевого населения северокавказских степей, не вдаваясь в этнические дефиниции при его атрибуции как «сираки», «сарматы», потомки «скифских» или «савроматских» кочевников. Более важным является вопрос о характеристике культуры кочевников раннесарматского времени северокавказских степей как самостоятельного явления с соответствующими территориальными границами, хронологическими рамками, диагностическими обрядовыми признаками, отличающими их от носителей классической раннесарматской культуры волго-донских и южноуральских степей. Что касается вопроса переоформления / эволюции катакомб типа II в тип I, происходивших в рассматриваемом контексте, то имеются прецеденты, иллюстрирующие подобные трансформации в культуре ранних кочевников [Мошкова и др., 2011, с. 166–167].

Отметим два момента. Первоначальная территория, на которой происходит сложение культуры памятников типа Чегем-Манаскент, – равнинно-предгорные районы от центральной части современной Кабардино-Балкарской Республики до запада Чеченской Республики (рис. 23). Могильники Прикаспийского Дагестана – Львовский, Зеленоморский, Манаскент – находятся достаточно далеко от них и представляют собой результат миграции ее носителей во II–I вв. до н.э., что подтверждает не только географическая отдаленность, но и несколько более поздние нижние даты памятников.

Значительная доля катакомб типа I фиксируется в Чегемском кургане и Нижне-Джулатском могильнике, небольшой процент их имеется в Заманкульских курганах. Начиная от территории современной Чечни, и далее на восток они не фиксируются, как не наблюдается и практика многоактных / многоазовых захоронений. Кроме того, возможность использования для захоронений катакомб типа II в этих памятниках может обсуждаться лишь на основании косвенных признаков. Можно сделать заключение, что эволюция в погребальном обряде – из катакомб типа II в тип I – происходила в западной части ареала, на территории современных Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – Алании. Очевидно также, что в дальнейшем именно на этой территории происходит оформление аланской культуры с дальнейшим ее распространением в восточном и западном направлениях.

Возникает вопрос о связи памятников типа Чегем-Манаскент с соответствующими им поселениями. Однако поиск этих поселений пока не был предметом целенаправленных исследований. На сегодняшний день имеется небольшая выборка поселенческих памятников последних веков до н.э. – начала н.э. Из них лишь один может иметь отношение к могильникам рассматриваемого круга: на городище Нижний Джулат И.М. Чеченовым было отмечено наличие слоя I–II вв. н.э. [Чеченов, 1967, с. 218, 223], синхронного погребальным комплексам могильника. Серия поселений с керамикой, соотносимой с технологической и морфологической традицией рассматриваемых древностей предгорной полосы, происходит с территории Ставропольско-

го края [Охонько, 1988, с. 255–256; Березин, Колесниченко, 2009; Березин и др., 2012, с. 51–52, рис. 83]. Однако пока нет информации об их некрополях.

Важно подчеркнуть, что наличие памятников типа Чегем-Манаскент на территории равнинно-предгорной части центральных и восточных районов Северного Кавказа не исключает присутствия некрополей несколько иного облика (Ханкальские могильники), но которые, будучи несколько отличными в отношении погребального обряда, связывает с первыми единство материальной культуры, синхронность и исторические судьбы.

В заключение остановимся на значении памятников типа Чегем-Манаскент в культурно-исторических процессах в регионе и сложении других культур.

1. Носители данного комплекса явились субстратом, на основе которого формировалась аланская культура Северного Кавказа. О роли этого населения в сложении аланской культуры раннего этапа (II–IV вв. н.э.) неоднократно высказывались исследователи [Абрамова, 1972; 1993, с. 186; Виноградов, Березин, 1985; Березин, Виноградов, 1988; Малашев, 2007а, с. 490–494; Габуев, Малашев, 2009, с. 147–148; Малашев, 2016, с. 60–61; Малашев, Торгоев, 2018]. Генетическая связь культуры памятников прослеживается в погребальном обряде и в керамическом комплексе. Это можно дополнить фиксируемой в Нижне-Джулатском могильнике плавной трансформацией основных обрядовых признаков и керамической традиции в традицию аланской культуры. Это также подтверждает сходство ритуальных сосудов с коническими выступами на внутренней поверхности дна из Чегемского кургана и Нижне-Джулатского могильника с сосудами из Брута 2 и Братских 1-х курганов и может говорить о близости идеологических представлений. Учитывая наибольшее количество черт сходства в обрядовых признаках и керамическом комплексе могильников с территории современных Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Чегемский и Заманкульские курганы, Нижне-Джулатский могильник), скорее всего именно на этой территории происходит оформление аланской культуры. Показательно, что отсюда происходят наиболее ранние на сегодняшний день

погребальные комплексы аланской культуры, относящиеся ко второй половине II в. н.э. (Нижне-Джулатский могильник, погр. 33, 77 [Абрамова, 1972]; Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, с. 140]; могильник Змейского городища, курган 2¹⁸).

2. Керамический комплекс памятников круга Андрейаульского городища в значительной степени восходит к керамической традиции (как морфологической, так и технологической) древностей типа Чегем-Манаскент, осложненной морфологическими влияниями традиции Кавказской Албании, что ставит вопрос об участии последних в формировании облика культуры оседлого населения Терско-Сулакского междуречья в первые века н.э. [Малашев, 2016, с. 43–44, 60–61].

3. Памятники типа Чегем-Манаскент лежат в основе происхождения памятников типа Подкумок-Хумара, с которыми их связывает использование катакомбного обряда погребения с многократным использованием камерных могил и керамический комплекс¹⁹. Миграция на территорию Пятигорья и в Кисловодскую котловину в поздней части I в. до н.э. группы населения равнинных территорий современной Кабардино-Балкарии привела к формированию новой культуры, которая в дальнейшем развивалась в определенной изоляции. Эта изолированность повлияла на изменение типологического состава катакомбных могил (с использованием катакомб типов I, IV и двухкамерных типа VII против типов I и II, характерных для памятников типа Чегем-Манаскент) и собственную линию эволюции керамического комплекса. При этом сохранилась идея устройства могильников на возвышенностях, напомиравших курганы, что фиксируется для Покумского и Хумаринского могильников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (номер темы: АААА-А18-118011790093-2).

State assignment № АААА-А18-118011790093-2 “Archaeological cultures of the Eurasian steppes and the ancient world contacts and mutual influences”.

² Здесь и далее типы катакомб – по К.Ф. Смирнову [1972] и М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашеву [1999].

³ В.Ю. Малашевым памятники Пятигорья и Верхней Кубани I в. до н.э. – IV в. н.э. на основании особенностей конструкции катакомб и керамического комплекса были выделены в самостоятельную культурную группу (памятники типа Подкумок-Хумара), происходящую от памятников типа Чегем-Манаскент и связанную с миграцией части этого населения в Пятигорье [Малашев, 2007а, с. 498; Габурев, Малашев, 2009, с. 157], которая сохраняет культурное своеобразие на территории Кисловодской котловины до конца IV в. н.э.

⁴ Подробнее об этом см.: Малашев В. Ю. Памятники типа Подкумок-Хумара // Сборник к юбилею В.Б. Ковалевской. (В печати).

⁵ Благодарим В.В. Кропотова за содействие в атрибуции фибул среднелатенской схемы из Чегемского кургана, Нижне-Джуглатского могильника и Заманкульских курганов.

⁶ По некоторым признакам возможна ее атрибуция и как варианта 2.

⁷ В своде В.В. Кропотова застежка ошибочно отнесена к инвентарю погребения 30.

⁸ Мы приносим искреннюю благодарность за помощь в атрибуции данного сосуда научному сотруднику Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского А.В. Смокогиной.

⁹ Курган 3 содержал 2 погребения (одно из них в катакомбе типа II) с западной ориентировкой [Ростунов, 1995, рис. 8, 16]

¹⁰ Выражаем искреннюю благодарность научному сотруднику кафедры археологии МГУ Т.В. Егоровой за помощь в атрибуции данной находки.

¹¹ Бамутский поворот, группа I: курган 1 (погребения 1, 2, 4, 7, 9, 10, 17, 18, 23, 35 и комплекс 5), курган 3 (погребения 1–4, а также фрагменты сосудов из насыпи), курган 4 (погребения 1–10, сосуды и их фрагменты из насыпи); Бамутский поворот, группа II: курган 1 (погребения 2, 5, 7, 8, 11, 12, 14).

¹² Орджоникидзевский: курган 1 (погребения 1–3, 5, 6, 8–15, 20–25, 28, 29, 31–34, 37, 41–53 и комплексы 1–20), курган 14 (погребения 1, 2, 5–11, 14–16, 22 и комплексы 1–5, а также фрагменты сосудов из насыпи).

¹³ Самашкинский: курган 2 (погребения 2, 4–6, 8–24, 26–28, 32, 35, 36, 38), курган 3 (погребения 2, 3, 11, 15, 17, 19, 21, 25, 28, 30, 32, 36, 45 и комплекс 1).

¹⁴ Вследствие хозяйственных работ и грабительских раскопок была разрушена часть погребений, которая могла заметно увеличить выборку.

¹⁵ К данному выводу пришла также М.П. Абрамова, допуская, что в Чегемском кургане и Нижне-Джуглатском могильнике могли «господствовать» катакомбы типов I и IV [1993, с. 102].

¹⁶ По могильнику Брут 1 нет данных для рассматриваемых ниже обрядовых признаков.

¹⁷ Возможно, пропорции и высокое горло двух кувшинчиков из могильников Орджоникидзевского, Бамутский поворот и Зеленоморского кургана (рис. 13, 11–13, 15, 4, 19, 7, 8) также восходят к традициям Кавказской Албании.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Малашев В. Ю., Бакушев М. А., Фидаров Р. Ф., Караев Б. З., Леонтьева А. С. Змейский раннеаланский могильник // Российская археология. (В печати).

¹⁹ Подробнее об этом см.: Малашев В. Ю. Памятники типа Подкумок-Хумара // Сборник к юбилею В.Б. Ковалевской. (В печати).

ПРИЛОЖЕНИЯ

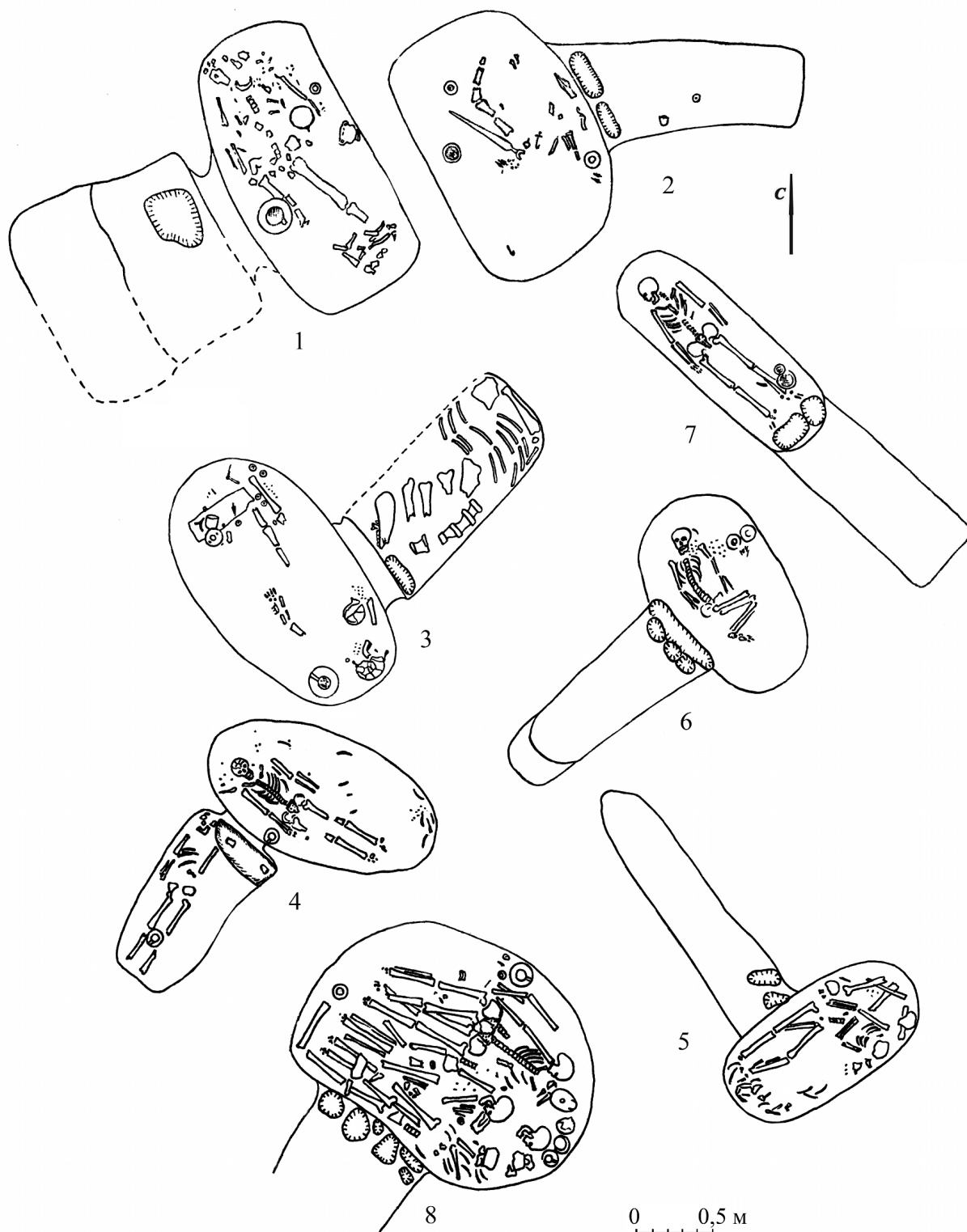

Рис. 1. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 17; 2 – № 42; 3 – № 52; 4 – № 27; 5 – № 118; 6 – № 61; 7 – № 43; 8 – № 131

Fig. 1. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – No. 17; 2 – No. 42; 3 – No. 52; 4 – No. 27; 5 – No. 118; 6 – No. 61; 7 – No. 43; 8 – No. 131

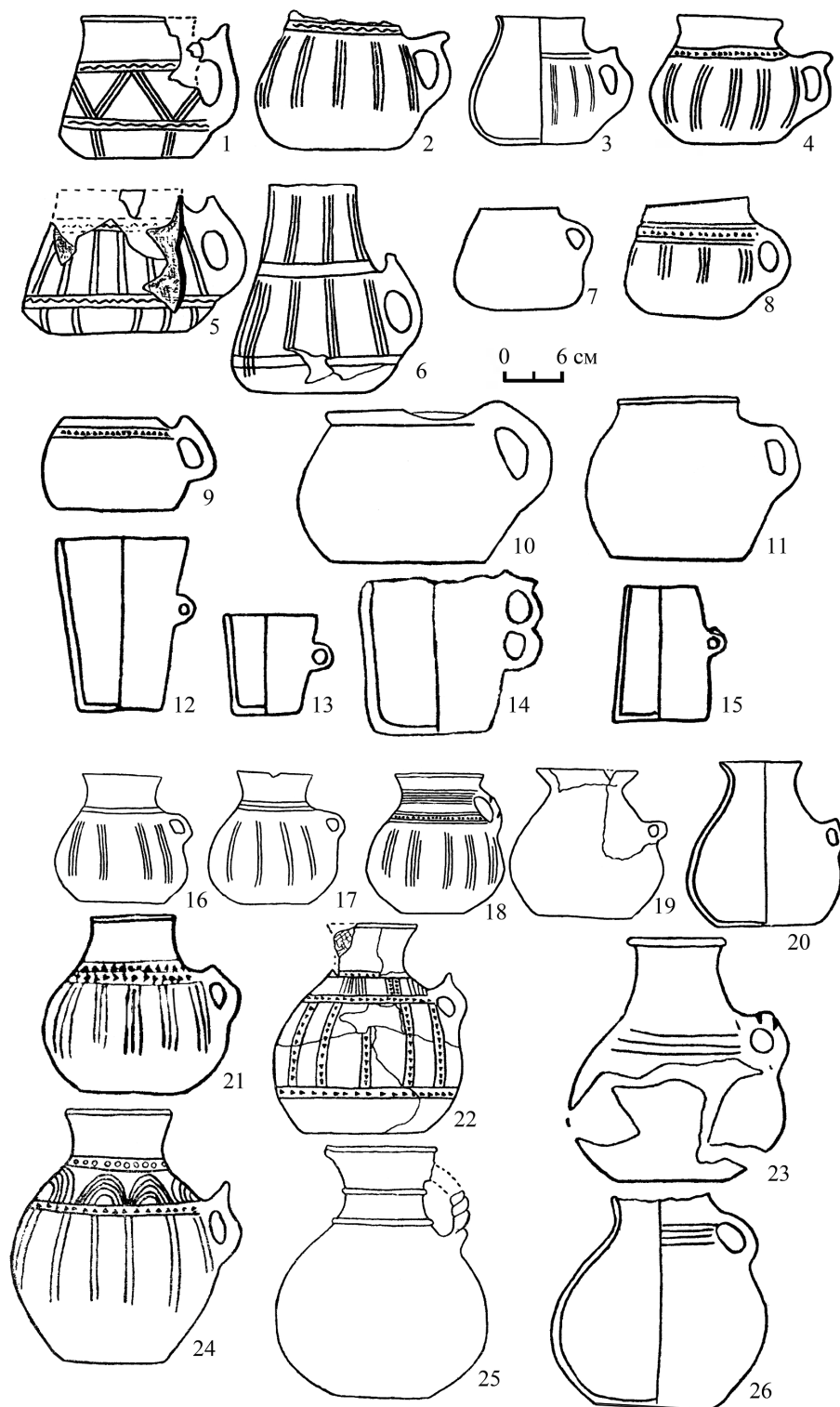

Рис. 2. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 29; 2 – № 78; 3 – № 97; 4 – № 84; 5 – № 35; 6 – № 22; 7, 16, 17 – № 132; 8, 9 – № 14; 10 – № 27; 11 – № 70;
12 – № 131; 13 – № 44; 14 – № 47; 15 – № 125; 18 – № 3; 19 – № 128; 20 – № 116; 21 – № 60; 22 – № 79;
23 – № 94; 24 – № 70; 25 – № 17; 26 – № 32

Fig. 2. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – No. 29; 2 – No. 78; 3 – No. 97; 4 – No. 84; 5 – No. 35; 6 – No. 22; 7, 16, 17 – No. 132; 8, 9 – No. 14; 10 – No. 27;
11 – No. 70; 12 – No. 131; 13 – No. 44; 14 – No. 47; 15 – No. 125; 18 – No. 3; 19 – No. 128; 20 – No. 116; 21 – No. 60;
22 – No. 79; 23 – No. 94; 24 – No. 70; 25 – No. 17; 26 – No. 32

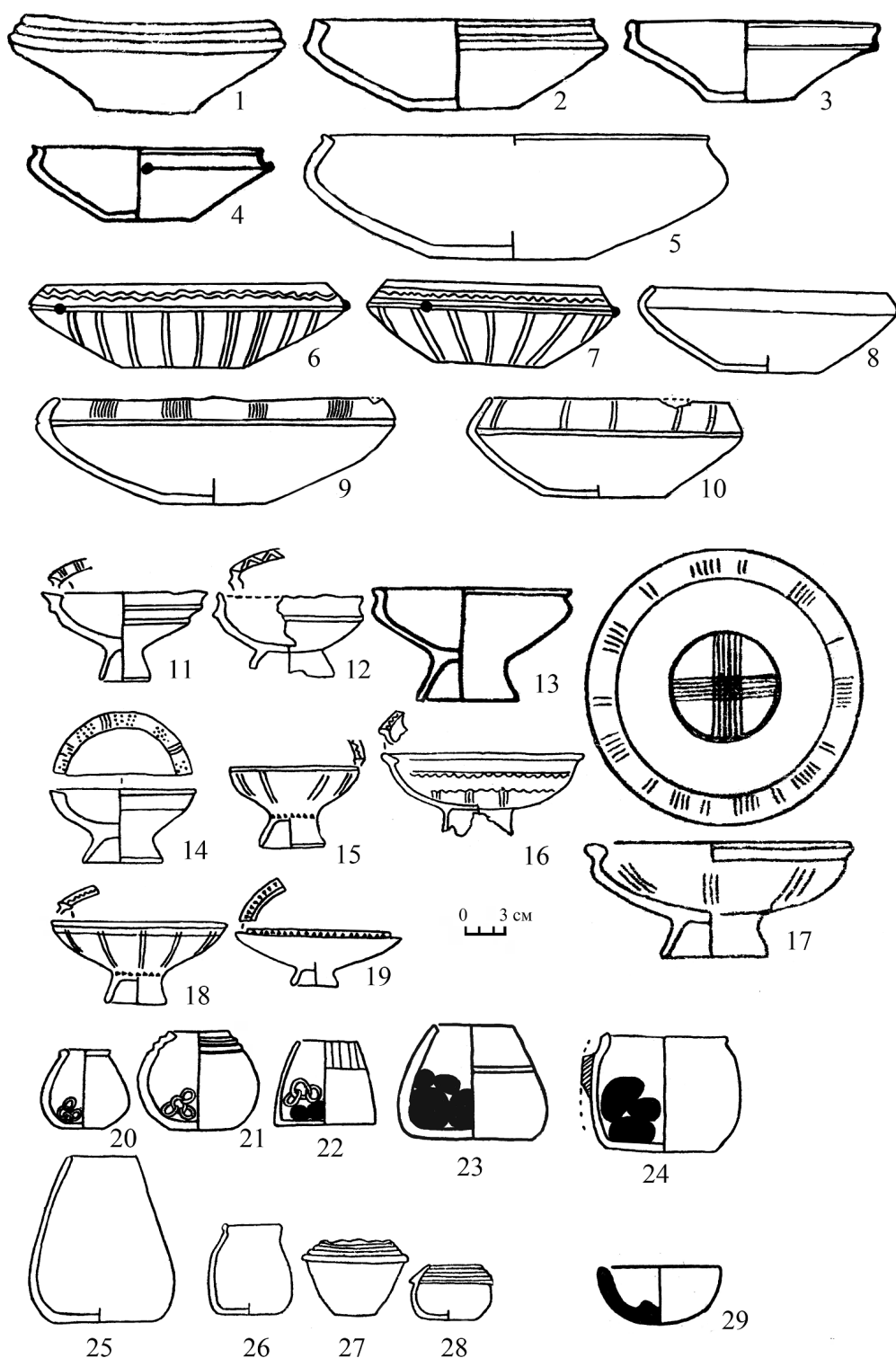

Рис. 3. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 61; 2 – № 24; 3 – № 44; 4 – № 46; 5 – № 4; 6 – № 14; 7 – № 82; 8 – № 75; 9, 16 – № 29; 10 – № 22; 11 – № 3; 12 – № 84; 13 – № 73; 14 – № 42; 15 – № 62; 17 – № 43; 18 – № 9; 19 – № 75; 20, 21 – № 3; 22 – № 93; 23 – № 9; 24 – № 52; 25 – № 122; 26 – № 21; 27 – № 8; 28 – № 69; 29 – № 24.

Fig. 3. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – № 61; 2 – № 24; 3 – № 44; 4 – № 46; 5 – № 4; 6 – № 14; 7 – № 82; 8 – № 75; 9, 16 – № 29; 10 – № 22; 11 – № 3; 12 – № 84; 13 – № 73; 14 – № 42; 15 – № 62; 17 – № 43; 18 – № 9; 19 – № 75; 20, 21 – № 3; 22 – № 93; 23 – № 9; 24 – № 52; 25 – № 122; 26 – № 21; 27 – № 8; 28 – № 69; 29 – № 24

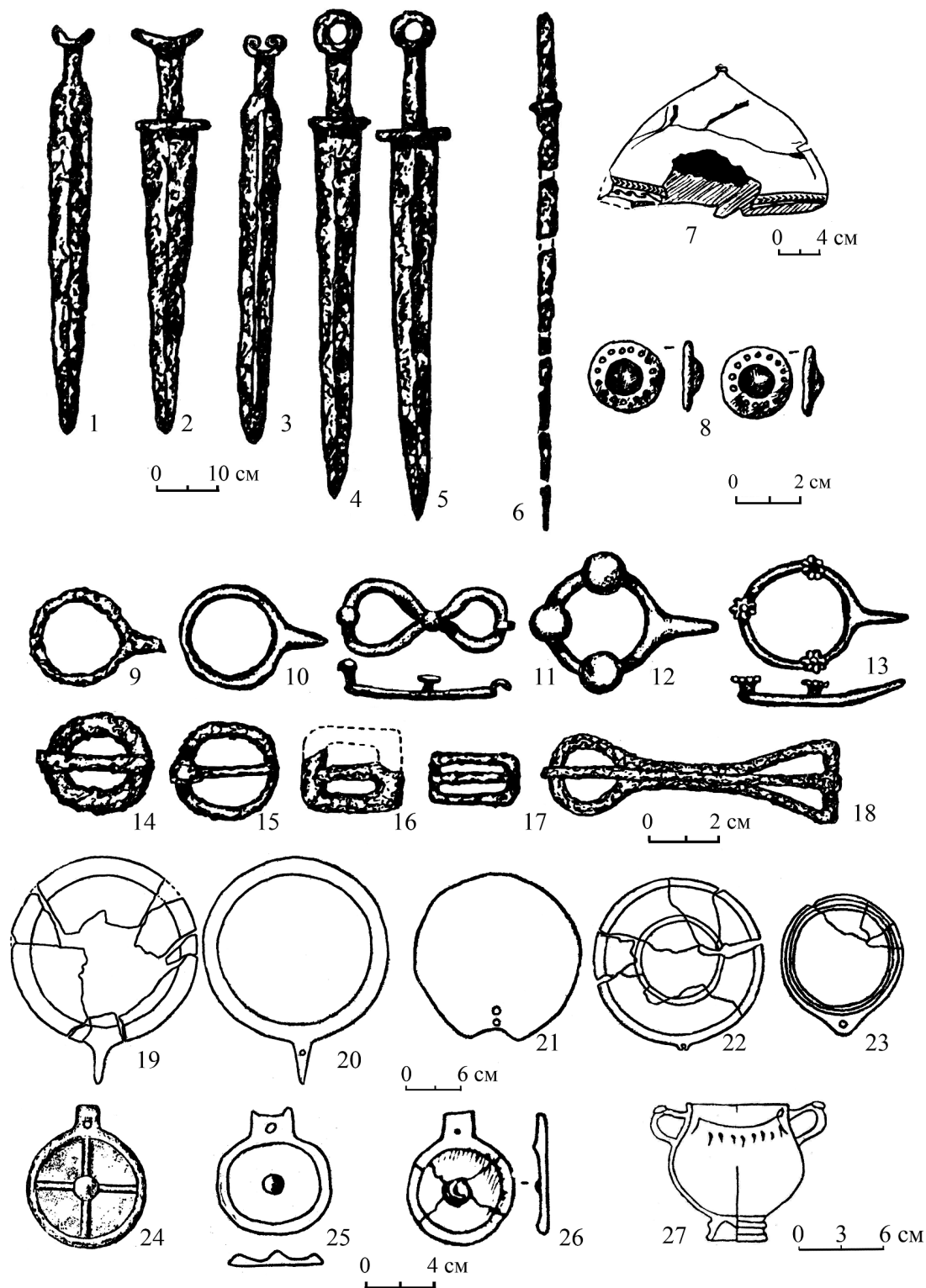

Рис. 4. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1, 12 – № 42; 2, 11, 19 – № 4; 3 – № 3; 4, 15, 23 – № 16; 5 – № 73; 6, 7 – № 10; 8 – № 52; 9 – № 11;
10 – № 9; 13 – № 57; 14 – № 26; 16 – № 8; 17 – № 72; 18 – № 62; 20, 27 – № 17; 21 – № 35;
22 – № 18; 24 – № 21; 25 – № 39; 26 – № 44

Fig. 4. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1, 12 – No. 42; 2, 11, 19 – No. 4; 3 – No. 3; 4, 15, 23 – No. 16; 5 – No. 73; 6, 7 – No. 10; 8 – No. 52; 9 – No. 11;
10 – No. 9; 13 – No. 57; 14 – No. 26; 16 – No. 8; 17 – No. 72; 18 – No. 62; 20, 27 – No. 17; 21 – No. 35;
22 – No. 18; 24 – No. 21; 25 – No. 39; 26 – No. 44

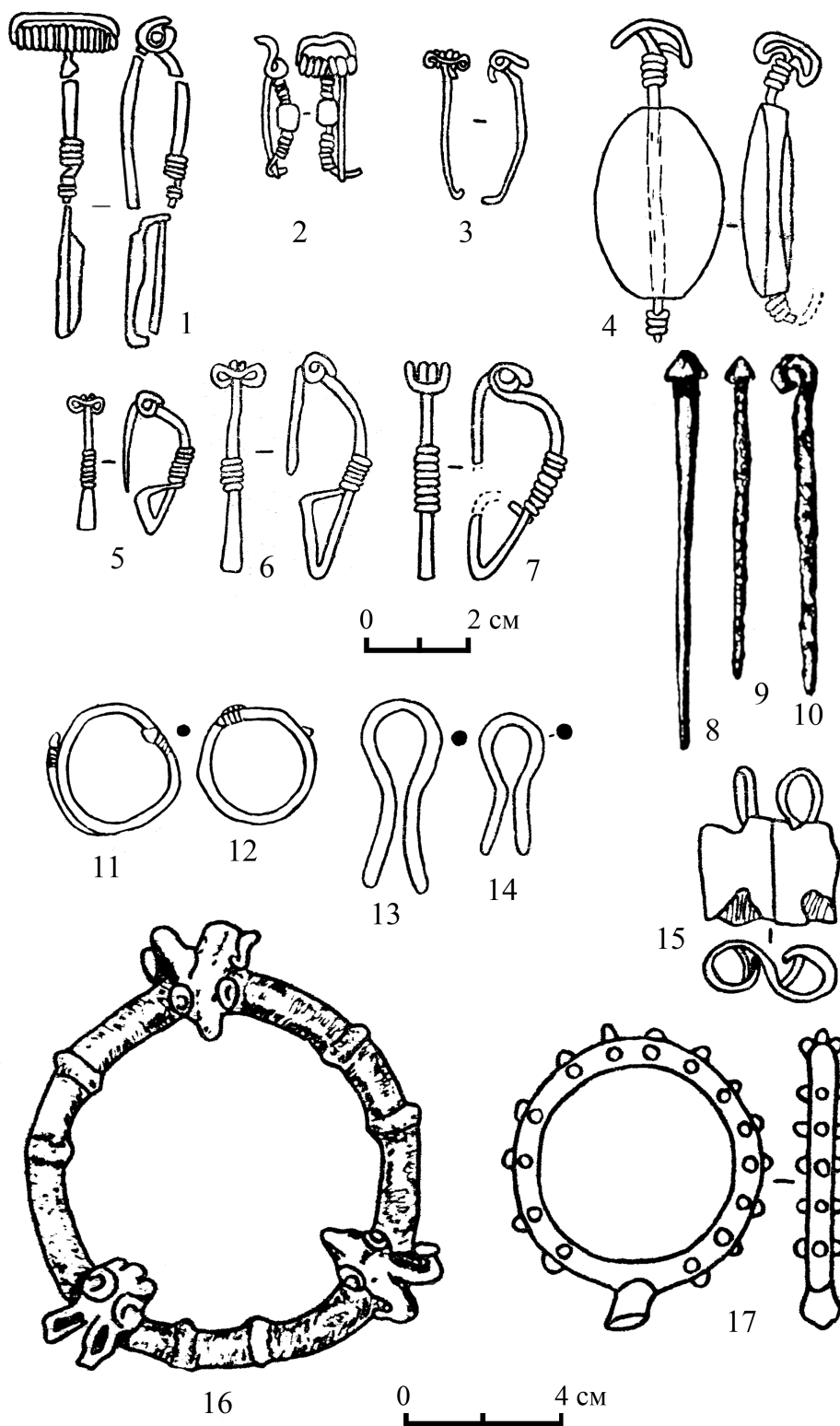

Рис. 5. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 4; 2 – № 16; 3 – № 64; 4 – № 10; 5, 6 – № 131; 7 – № 46; 8 – № 128; 9 – № 90; 10 – № 10;
11, 12 – № 70; 13, 14 – № 61; 15 – № 131; 16 – № 29; 17 – № 82

Fig. 5. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – No. 4; 2 – No. 16; 3 – No. 64; 4 – No. 10; 5, 6 – No. 131; 7 – No. 46; 8 – No. 128; 9 – No. 90; 10 – No. 10;
11, 12 – No. 70; 13, 14 – No. 61; 15 – No. 131; 16 – No. 29; 17 – No. 82

Рис. 6. Нижне-Джулатский могильник, погребения (по: [Абрамова, 1972; 1993]):

1 – № 77; 2 – № 30; 3 – № 36; 4 – № 100; 5 – № 46; 6 – № 47; 7 – № 33

Fig. 6. Nizhniy Dzhulat cemetery, burials (after: [Abramova, 1972; 1993]):

1 – No. 77; 2 – No. 30; 3 – No. 36; 4 – No. 100; 5 – No. 46; 6 – No. 47; 7 – No. 33

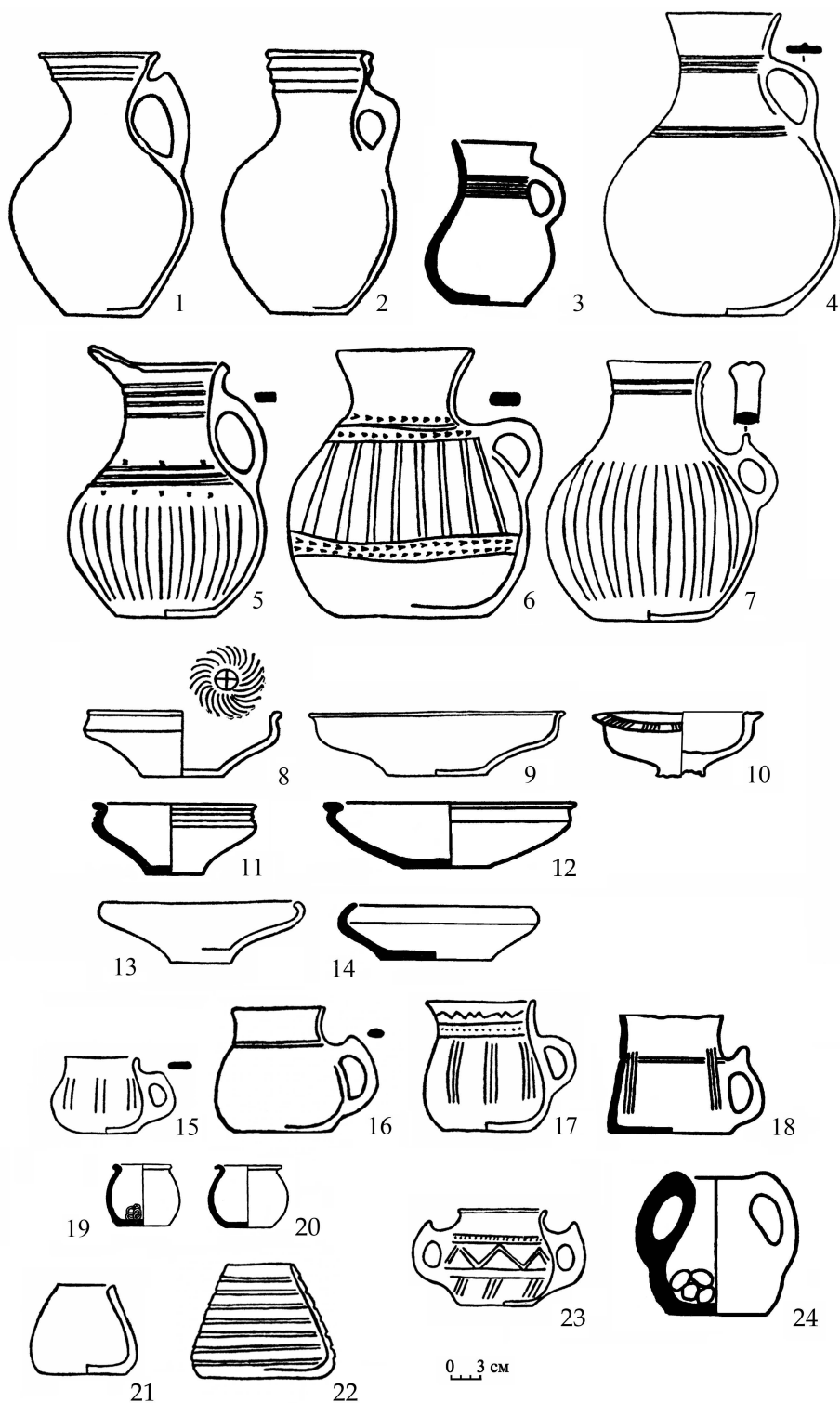

Рис. 7. Нижне-Джулатский могильник, погребения (по: [Абрамова, 1972; 1993]):

1 – № 33; 2, 18 – № 94; 3 – № 59; 4 – № 47; 5 – № 31; 6, 16, 22 – № 100; 7 – № 46; 8 – № 59; 9 – № 19;
 10 – № 40; 11 – № 54; 12 – № 89; 13 – № 8; 14 – № 44; 15, 21 – № 35; 17 – № 49; 19 – № 60;
 20 – № 13; 23 – № 36; 24 – № 29

Fig. 7. Nizhniy Dzhulat cemetery, burials (after: [Abramova, 1972; 1993]):

1 – No. 33; 2, 18 – No. 94; 3 – No. 59; 4 – No. 47; 5 – No. 31; 6, 16, 22 – No. 100; 7 – No. 46; 8 – No. 59; 9 – No. 19;
 10 – No. 40; 11 – No. 54; 12 – No. 89; 13 – No. 8; 14 – No. 44; 15, 21 – No. 35; 17 – No. 49; 19 – No. 60;
 20 – No. 13; 23 – No. 36; 24 – No. 29

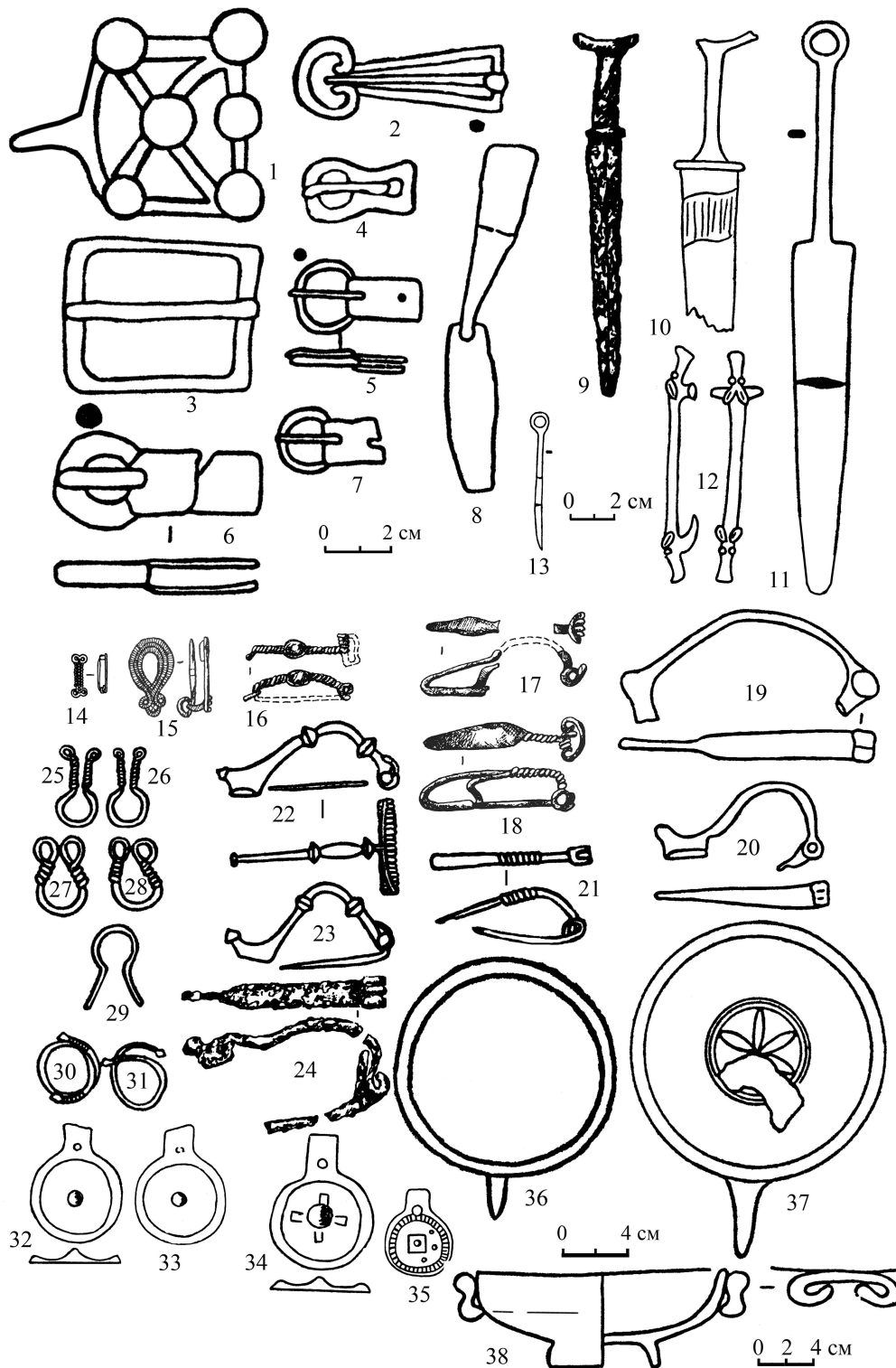

Рис. 8. Нижне-Джулатский могильник, погребения (по: [Абрамова, 1972; 1993]):

1 – № 60; 2 – № 27; 3, 32 – № 54; 4 – № 8; 5–7, 8, 22, 23, 27, 28 – № 77; 9, 13 – № 73; 10, 12 – № 100; 11 – № 64; 14 – № 31; 15 – № 13; 16 – № 96; 17 – № 37; 18 – № 114; 19, 20, 25, 26 – № 66; 21 – № 90; 24 – № 14; 29 – № 59; 30, 31 – № 58; 33 – № 103; 34 – № 39; 36 – № 94; 37 – № 58; 38 – № 31

Fig. 8. Nizhny Dzhulat cemetery, burials (after: [Abramova, 1972; 1993]):

1 – No. 60; 2 – No. 27; 3, 32 – No. 54; 4 – No. 8; 5–7, 8, 22, 23, 27, 28 – No. 77; 9, 13 – No. 73; 10, 12 – No. 100; 11 – No. 64; 14 – No. 31; 15 – No. 13; 16 – No. 96; 17 – No. 37; 18 – No. 114; 19, 20, 25, 26 – No. 66; 21 – No. 90; 24 – No. 14; 29 – No. 59; 30, 31 – No. 58; 33 – No. 103; 34 – No. 39; 36 – No. 94; 37 – No. 58; 38 – No. 31

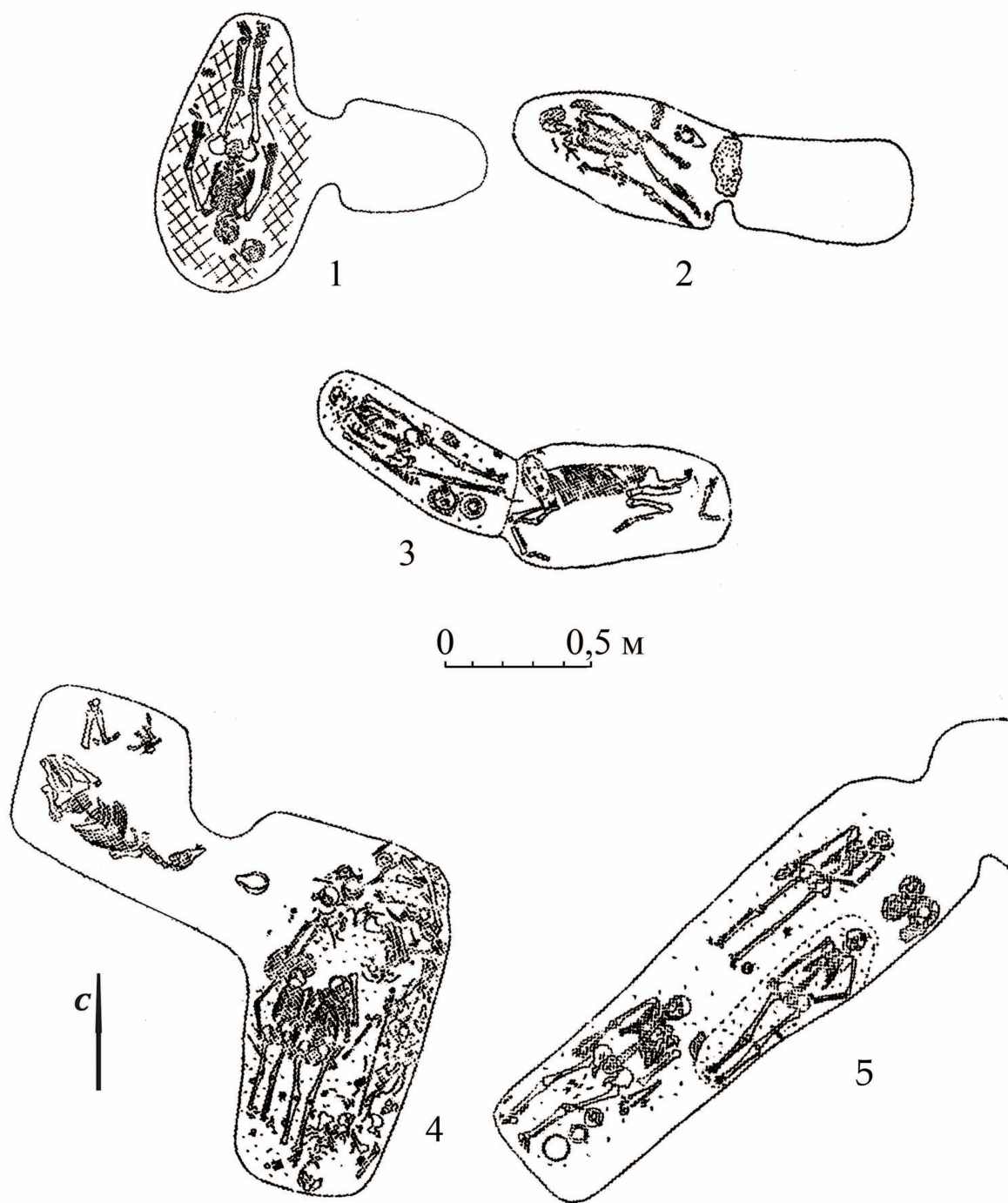

Рис. 9. Заманкульские курганы (по: [Ростунов, Березин, 2007]) (курган / погребение):

1 – 1/43; 2 – 1/33; 3 – 2/56; 4 – 1/62; 5 – 2/10–12

Fig. 9. Zamankul kurgans (after: [Rostunov, Berezin, 2007]) (kurgan / burial):

1 – 1/43; 2 – 1/33; 3 – 2/56; 4 – 1/62; 5 – 2/10–12

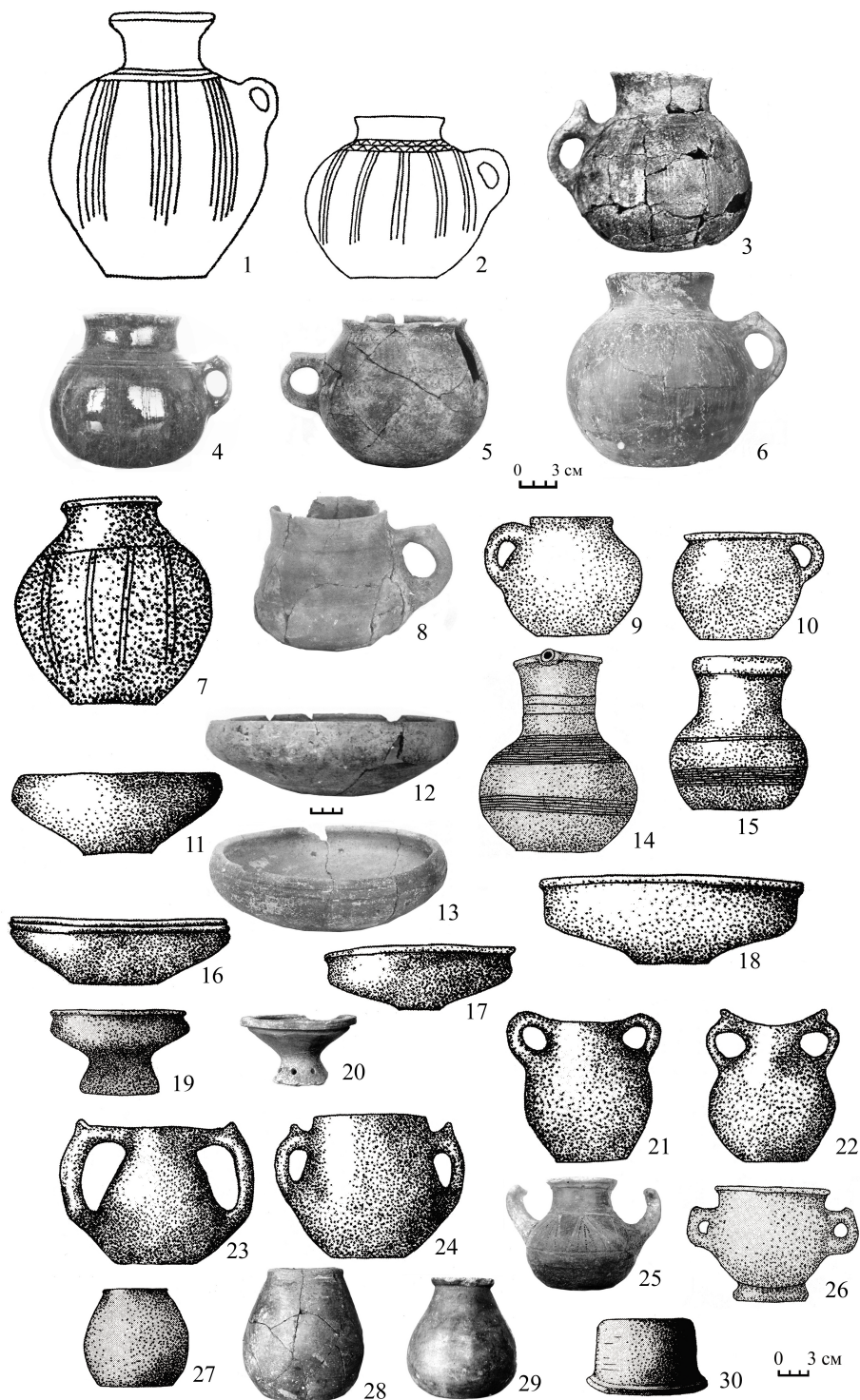

Рис. 10. Заманкульские курганы (3–6, 8, 12, 13, 20, 25, 28, 29 по: [Ростунов, 1993; 1994];
остальное по: [Ростунов, Березин, 2007]) (курган / погребение):

1 – 2/21; 2, 7, 23, 24 – 2/10–12; 3 – 1/35, 39; 4, 29 – 1/9; 5 – 2/68; 6, 12 – 1/23; 8, 13 – 2/45; 9, 26 – 2/48; 10 – 2/47;
11 – 2/55; 14 – 1/50; 15 – 1/15; 16 – 2/29; 17 – 2/28; 18 – 2/70; 19 – 2/43; 20, 28 – 1/63;
21, 27 – 2/56; 22 – 2/1; 25 – 1/14; 30 – 2/39

Fig. 10. Zamankul kurgans (3–6, 8, 12, 13, 20, 25, 28, 29 after: [Rostunov, 1993; 1994];
others after: [Rostunov, Berezin, 2007]) (kurgan / burial):

1 – 2/21; 2, 7, 23, 24 – 2/10–12; 3 – 1/35, 39; 4, 29 – 1/9; 5 – 2/68; 6, 12 – 1/23; 8, 13 – 2/45; 9, 26 – 2/48; 10 – 2/47;
11 – 2/55; 14 – 1/50; 15 – 1/15; 16 – 2/29; 17 – 2/28; 18 – 2/70; 19 – 2/43; 20, 28 – 1/63;
21, 27 – 2/56; 22 – 2/1; 25 – 1/14; 30 – 2/39

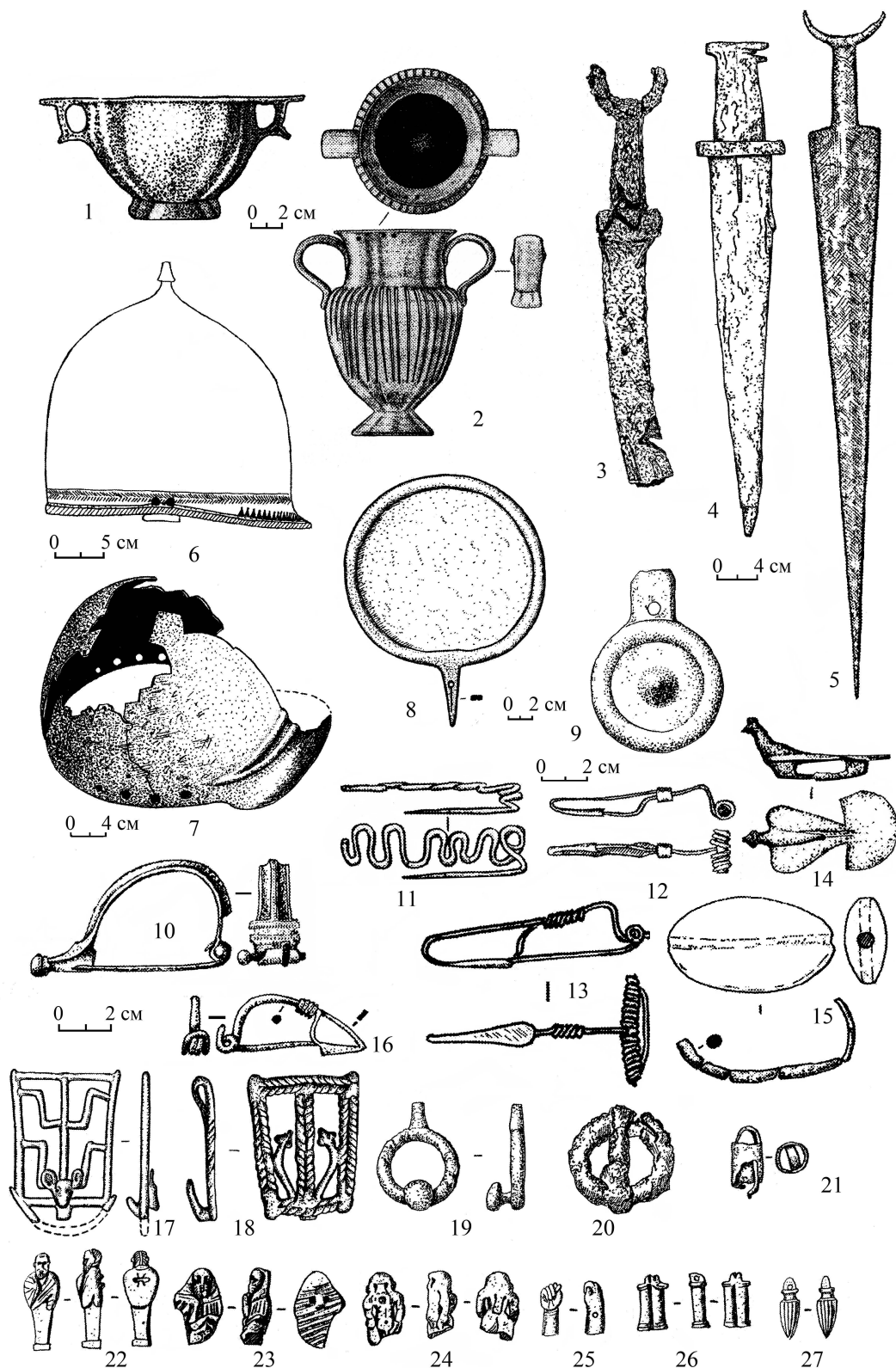

Рис. 11. Заманкульские курганы (по: [Ростунов, Березин, 2007]) (курган / погребение):

1, 6, 8, 15 – 2/56; 2 – 2/10–12; 3 – 2/52; 4 – 1/61; 5 – 2/44; 7 – 1/4; 9, 16 – 2/47; 10 – 2/28; 11 – 1/39; 12 – 1/62;
13 – 1/8; 14 – 2/53; 17 – 1/2; 18 – 2/42; 19 – 2/72; 20, 21, 24, 27 – 2/51; 22, 23, 25, 26 – 2/70

Fig. 11. Zamankul kurgans (after: [Rostunov, Berezin, 2007]) (kurgan / burial):

1, 6, 8, 15 – 2/56; 2 – 2/10–12; 3 – 2/52; 4 – 1/61; 5 – 2/44; 7 – 1/4; 9, 16 – 2/47; 10 – 2/28; 11 – 1/39; 12 – 1/62;
13 – 1/8; 14 – 2/53; 17 – 1/2; 18 – 2/42; 19 – 2/72; 20, 21, 24, 27 – 2/51; 22, 23, 25, 26 – 2/70

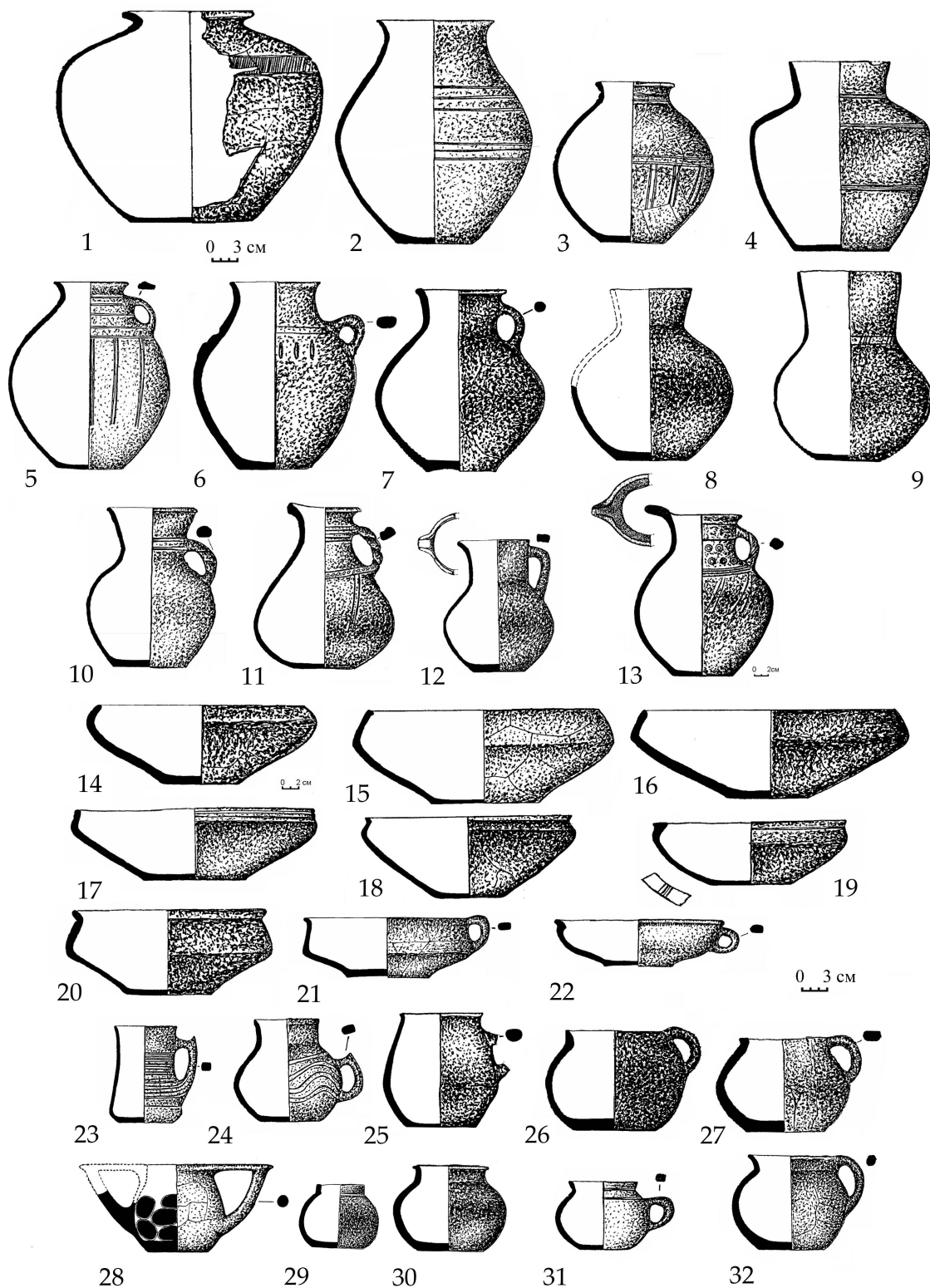

Рис. 12. Могильник Самашкинский (по: [Бурков, Прокопенко, 2008]) (курган / погребение):

1 – 3/28; 2 – 2/36; 3 – 2/22; 4 – 2/19; 5 – 2/12; 6 – 3/3; 7, 8, 32 – 2/24; 9, 17 – 2/27; 10 – 2/8; 11 – 2/11; 12 – 3/15; 13 – 3/3; 14 – 3/21; 15 – 2/14; 16 – 2/21; 18 – 2/15; 19 – 2/28; 20 – 3/28; 21 – 3/19; 22 – 3/32; 23 – 3/36; 24 – 3/2; 25 – 2/32; 26 – 2/14; 27 – 2/12; 28 – 2/16; 29 – 2/9; 30 – 2/21; 31 – 3/11

Fig. 12. Kurgan cemetery Samashkinskiy (after: [Burkov, Prokopenko, 2008]) (kurgan / burial):

1 – 3/28; 2 – 2/36; 3 – 2/22; 4 – 2/19; 5 – 2/12; 6 – 3/3; 7, 8, 32 – 2/24; 9, 17 – 2/27; 10 – 2/8; 11 – 2/11; 12 – 3/15; 13 – 3/3; 14 – 3/21; 15 – 2/14; 16 – 2/21; 18 – 2/15; 19 – 2/28; 20 – 3/28; 21 – 3/19; 22 – 3/32; 23 – 3/36; 24 – 3/2; 25 – 2/32; 26 – 2/14; 27 – 2/12; 28 – 2/16; 29 – 2/9; 30 – 2/21; 31 – 3/11

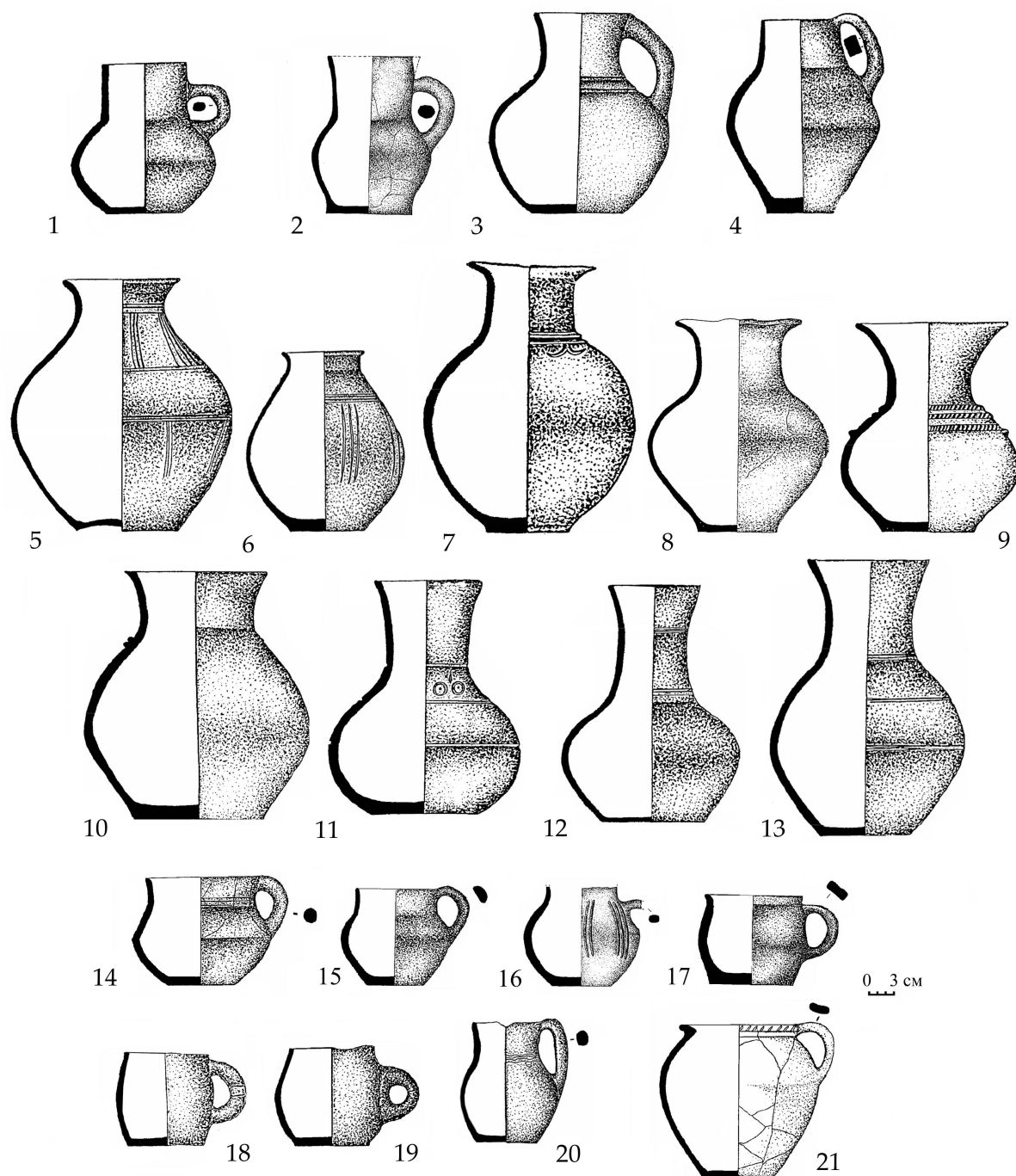

Рис. 13. Могильник Орджоникидзевский (по: [Бурков, Прокопенко, 2008]) (курган / погребение, комплекс):

1 – 1/компл. 8; 2 – 14/14; 3 – 1/15; 4 – 1/31; 5 – 1/24; 6 – 1/23; 7 – 1/компл. 3; 8 – 14/7; 9 – 1/33; 10 – 1/20;
 11 – 1/10; 12, 13 – 1/компл. 13; 14 – 14/компл. 2; 15, 17 – 14/11; 16 – 14/компл. 5; 18 – 1/1; 19 – 1/13;
 20 – 1/20; 21 – 14/компл. 2

Fig. 13. Kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy (after: [Burkov, Prokopenko, 2008]) (kurgan / burial, complex):

1 – 1/complex 8; 2 – 14/14; 3 – 1/15; 4 – 1/31; 5 – 1/24; 6 – 1/23; 7 – 1/complex 3; 8 – 14/7; 9 – 1/33; 10 – 1/20;
 11 – 1/10; 12, 13 – 1/complex 13; 14 – 14/complex 2; 15, 17 – 14/11; 16 – 14/complex 5; 18 – 1/1; 19 – 1/13;
 20 – 1/20; 21 – 14/complex 2

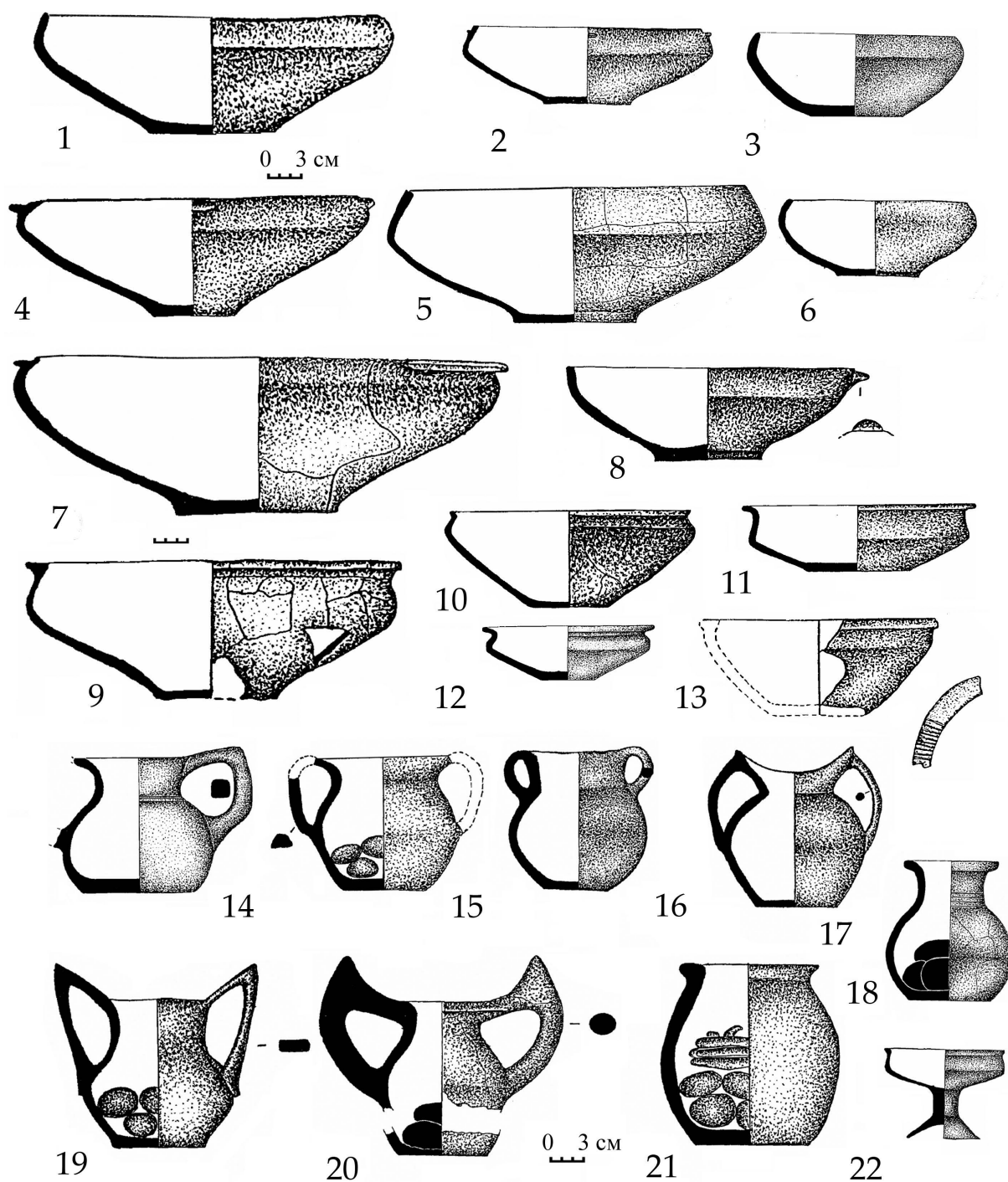

Рис. 14. Могильник Орджоникидзевский (по: [Бурков, Прокопенко, 2008]) (курган / погребение, комплекс):

1 – 1/компл. 1; 2 – 1/1; 3 – 14/компл. 1; 4 – 1/компл. 13; 5, 18 – 14/15; 6 – 1/32; 7 – 1/51; 8 – 1/41; 9 – 1/33;
10 – 14/6; 11 – 14/10; 12 – 14/11; 13 – 1/22; 14 – 1/компл. 13; 15 – 1/компл. 16; 16 – 1/53; 17 – 1/компл. 9;
19 – 1/41; 20 – 14/компл. 1; 21 – 1/15; 22 – 1/31

Fig. 14. Kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy (after: [Burkov, Prokopenko, 2008]) (kurgan / burial, complex):

1 – 1/complex 1; 2 – 1/1; 3 – 14/complex 1; 4 – 1/complex 13; 5, 18 – 14/15; 6 – 1/32; 7 – 1/51; 8 – 1/41; 9 – 1/33;
10 – 14/6; 11 – 14/10; 12 – 14/11; 13 – 1/22; 14 – 1/complex 13; 15 – 1/complex 16; 16 – 1/53; 17 – 1/complex 9;
19 – 1/41; 20 – 14/complex 1; 21 – 1/15; 22 – 1/31

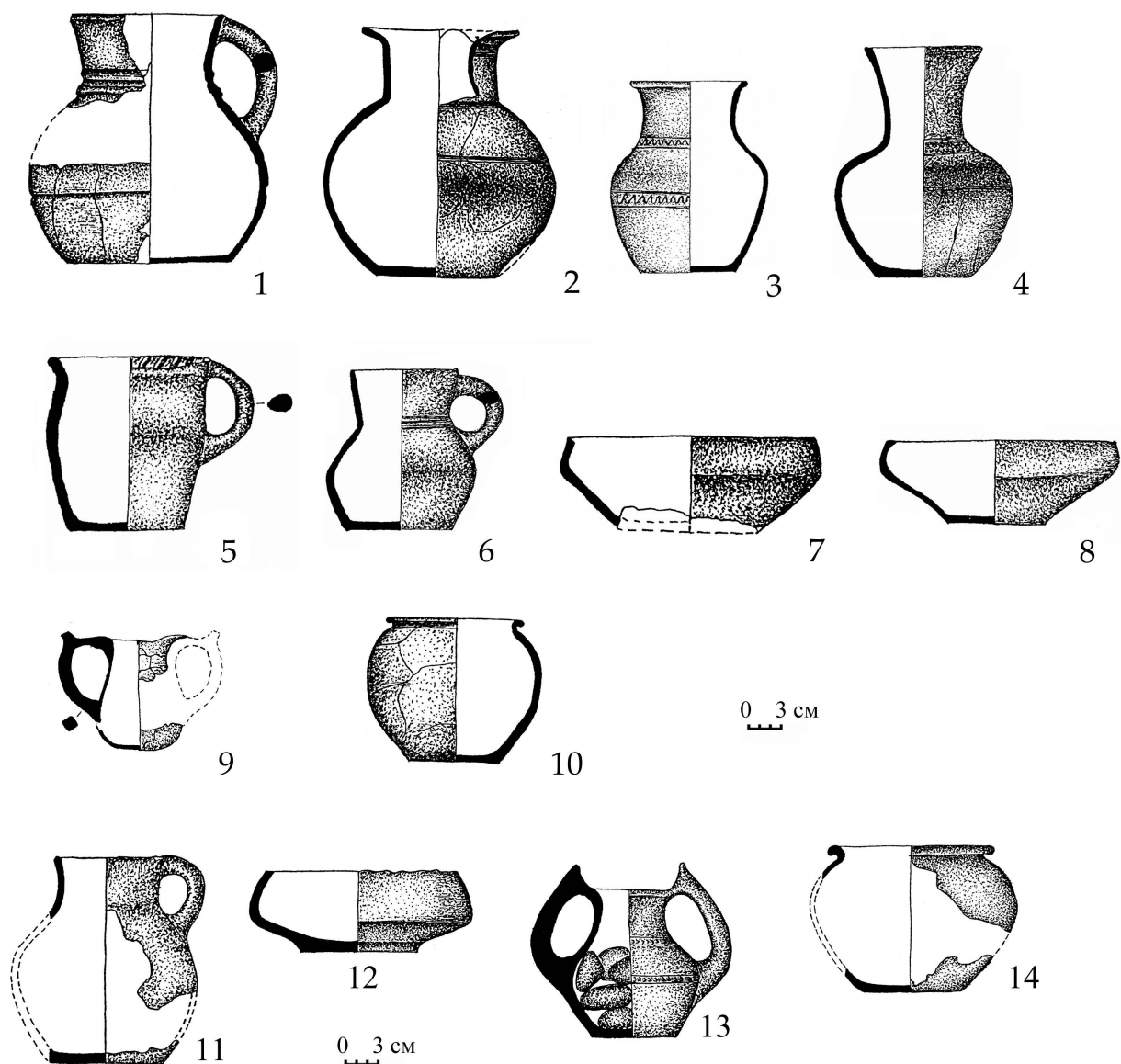

Рис. 15

Могильник Бамутский поворот, группа I (курган / погребение, комплекс):
 1 – 1/2; 2 – 4/6; 3 – 1/18; 4 – 1/7; 5 – 4/5; 6, 7 – 4/насыпь; 8 – 4/4; 9 – 1/18; 10 – 1/компл. 5.

Могильник Бамутский поворот, группа II (курган / погребение):

11 – 1/7; 12, 13 – 1/5; 14 – 1/8

Fig. 15

Kurgan cemetery Bamutskiy povorot, group I (kurgan / burial, complex):
 1 – 1/2; 2 – 4/6; 3 – 1/18; 4 – 1/7; 5 – 4/5; 6, 7 – 4/mound; 8 – 4/4; 9 – 1/18; 10 – 1/complex 5.

Kurgan cemetery Bamutskiy povorot, group II (kurgan / burial): 11 – 1/7;

12, 13 – 1/5; 14 – 1/8

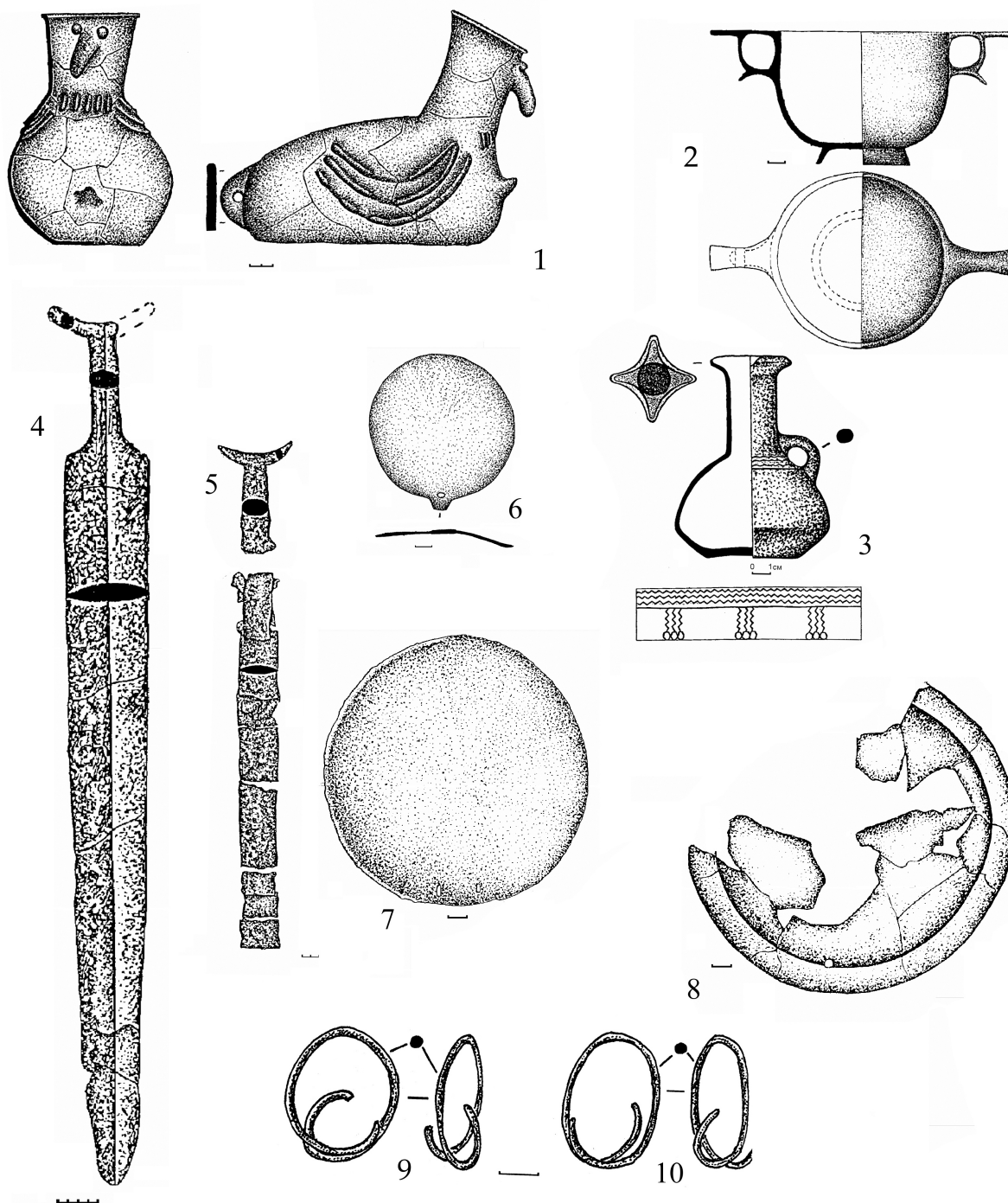

Рис. 16

Орджоникидзевский могильник (курган / погребение, комплекс): 1, 4 – 1/51; 2 – 1/15; 5 – 1/29; 6 – 1/25; 7 – 1/компл. 10; 8 – 1/48.

Самашкинский могильник (курган / погребение): 3 – 3/36; 9, 10 – 2/28
(по: [Бурков, Прокопенко, 2008])

Fig. 16

Kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy (kurgan / burial, complex): 1, 4 – 1/51; 2 – 1/15; 5 – 1/29; 6 – 1/25; 7 – 1/complex 10; 8 – 1/48.

Kurgan cemetery Samashkinskiy (kurgan / burial): 3 – 3/36; 9, 10 – 2/28
(after: [Burkov, Prokopenko, 2008])

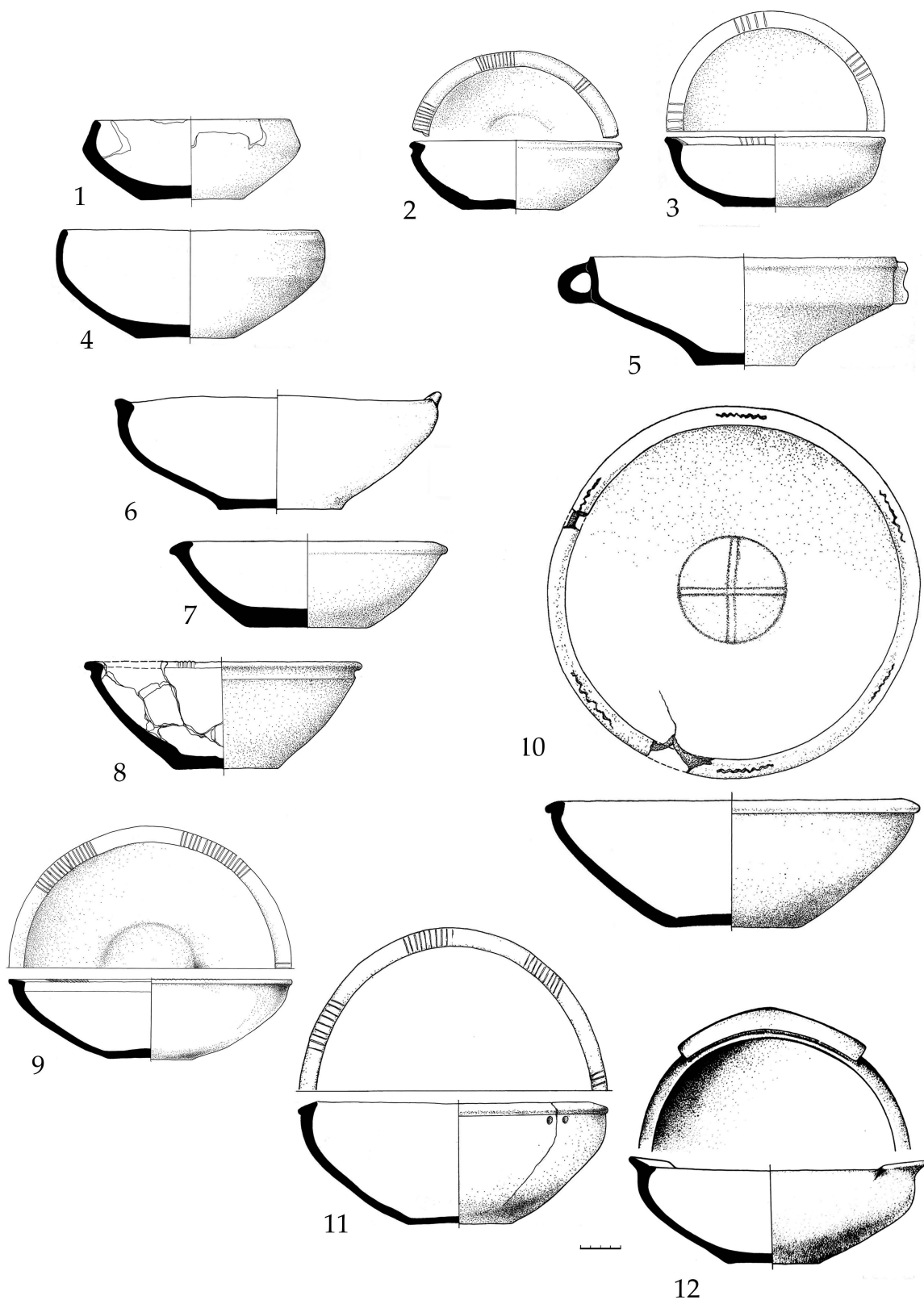

Рис. 17. Львовский VII, курган 4, погребения (по: [Маслов и др., 2016]):

1, 6 – № 20; 2 – № 2; 3 – № 25; 4 – № 21; 5 – № 39; 7 – № 8; 8 – № 3; 9 – № 16; 10 – № 29; 11 – компл. 10; 12 – № 40

Fig. 17. Kurgan cemetery L'vovskiy VII, kurgan 4, burials (after: [Maslov et al., 2016]):

1, 6 – No. 20; 2 – No. 2; 3 – No. 25; 4 – No. 21; 5 – No. 39; 7 – No. 8; 8 – No. 3; 9 – No. 16; 10 – No. 29;
11 – complex 10; 12 – No. 40

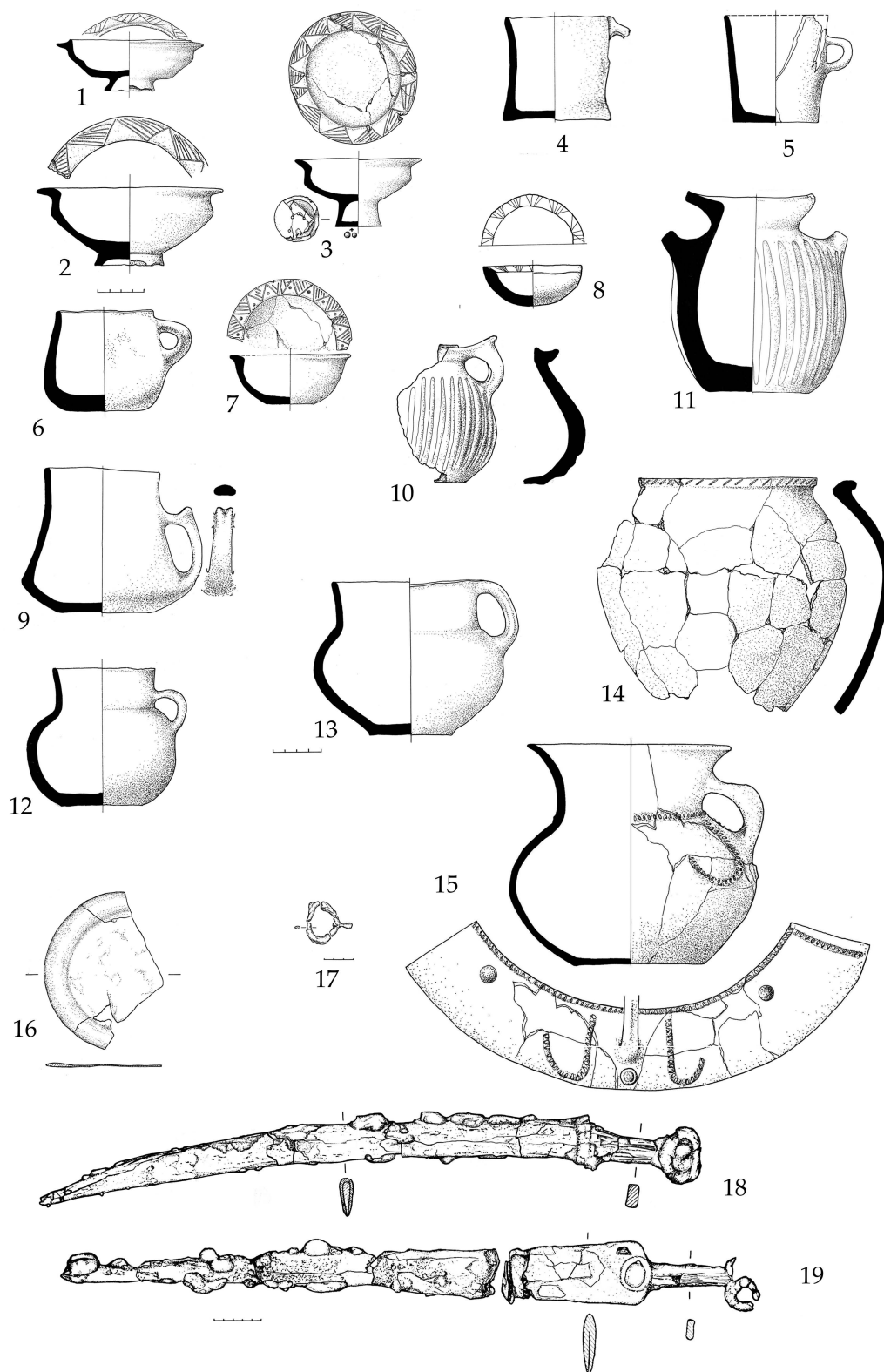

Рис. 18. Львовский VII, курган 4, погребения (по: [Маслов и др., 2016]):

1 – № 17; 2 – № 32; 3, 5, 10 – насыпь; 4 – № 9; 6, 19 – № 29; 7 – компл. 1; 8 – № 22; 9 – № 7; 11 – № 16;
12 – № 26; 13 – № 39; 14 – компл. 8; 15 – № 19; 16 – № 28; 17 – № 20; 18 – № 17

Fig. 18. Kurgan cemetery L'vovskiy VII, kurgan 4, burials (after: [Maslov et al., 2016]):

1 – No. 17; 2 – No. 32; 3, 5, 10 – mound; 4 – No. 9; 6, 19 – No. 29; 7 – complex 1; 8 – No. 22; 9 – No. 7; 11 – No. 16;
12 – No. 26; 13 – No. 39; 14 – complex 8; 15 – No. 19; 16 – No. 28; 17 – No. 20; 18 – No. 17

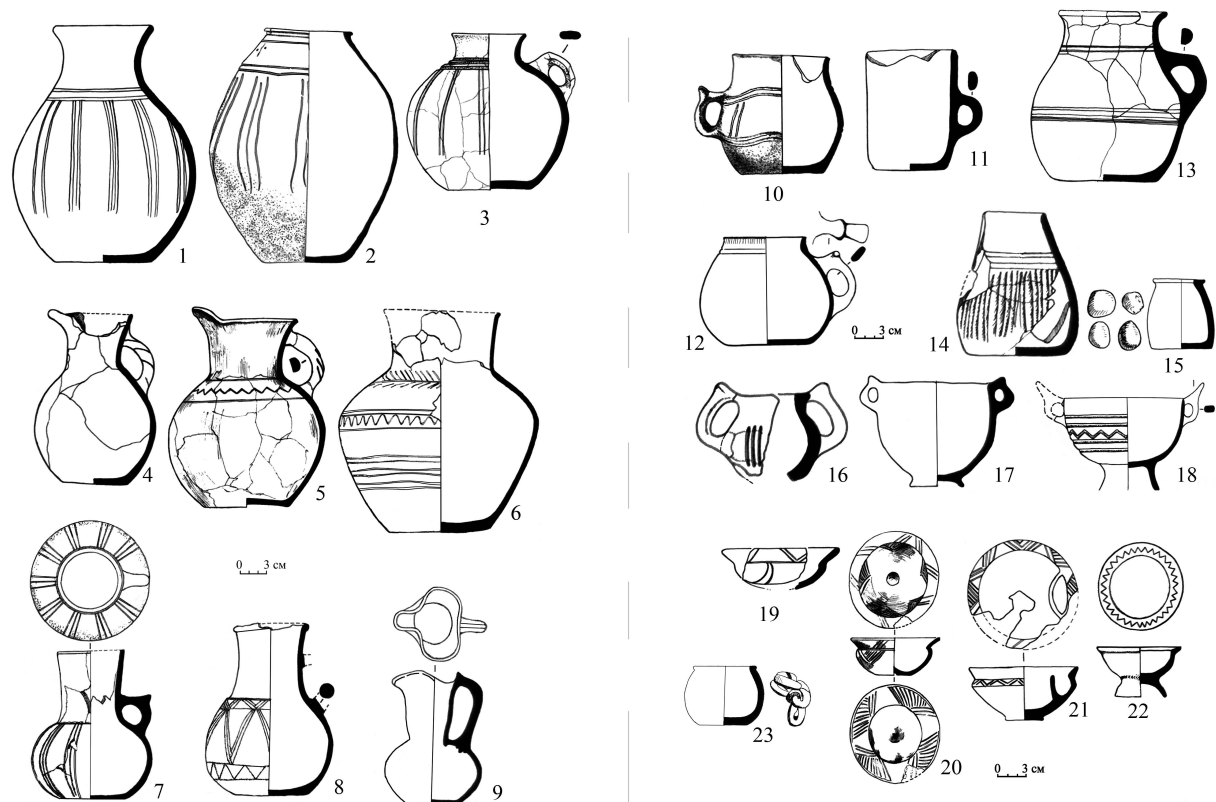

Рис. 19. Зеленоморский курган, погребения (по: [Салихов, 1986; 1988]):

1 – № 31; 2, 8 – № 12; 3 – № 53; 4 – № 37; 5 – № 36; 6 – № 17; 7 – № 24; 9 – № 29; 10 – № 10;
 11 – № 45; 12 – № 51; 13 – № 39; 14 – № 28; 15 – № 38; 16, 19 – разрушенные погр.; 17 – № 32;
 18 – № 37; 20 – № 52; 21 – № 11; 22 – № 50; 23 – № 40

Fig. 19. Kurgan Zelenomorskiy, burials (after: [Salikhov, 1986; 1988]):

1 – No. 31; 2, 8 – No. 12; 3 – No. 53; 4 – No. 37; 5 – No. 36; 6 – No. 17; 7 – No. 24; 9 – No. 29; 10 – No. 10;
 11 – No. 45; 12 – No. 51; 13 – No. 39; 14 – No. 28; 15 – No. 38; 16, 19 – destroyed burials; 17 – No. 32;
 18 – No. 37; 20 – No. 52; 21 – No. 11; 22 – No. 50; 23 – No. 40

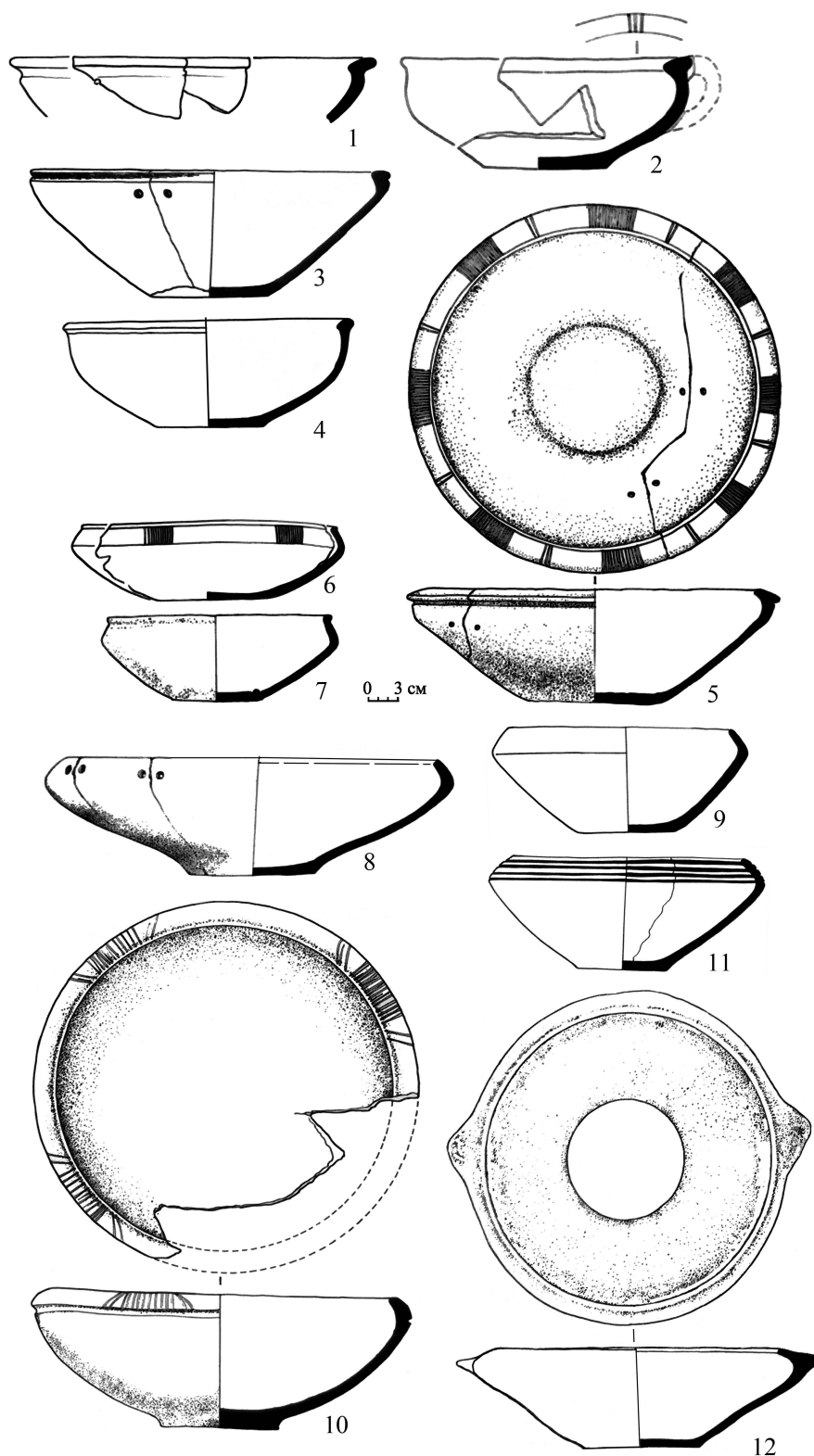

Рис. 20. Зеленоморский курган, погребения (по: [Салихов, 1986; 1988]):

1, 2 – разрушенные погр.; 3 – № 31; 4 – № 38; 5 – № 13; 6 – № 39; 7 – № 26; 8 – № 10; 9 – № 41; 10 – № 12;
11 – № 43; 12 – № 24

Fig. 20. Kurgan Zelenomorskiy, burials (after: [Salikhov, 1986; 1988]):

1, 2 – destroyed burials; 3 – No. 31; 4 – No. 38; 5 – No. 13; 6 – No. 39; 7 – No. 26; 8 – No. 10; 9 – No. 41; 10 – No. 12;
11 – No. 43; 12 – No. 24

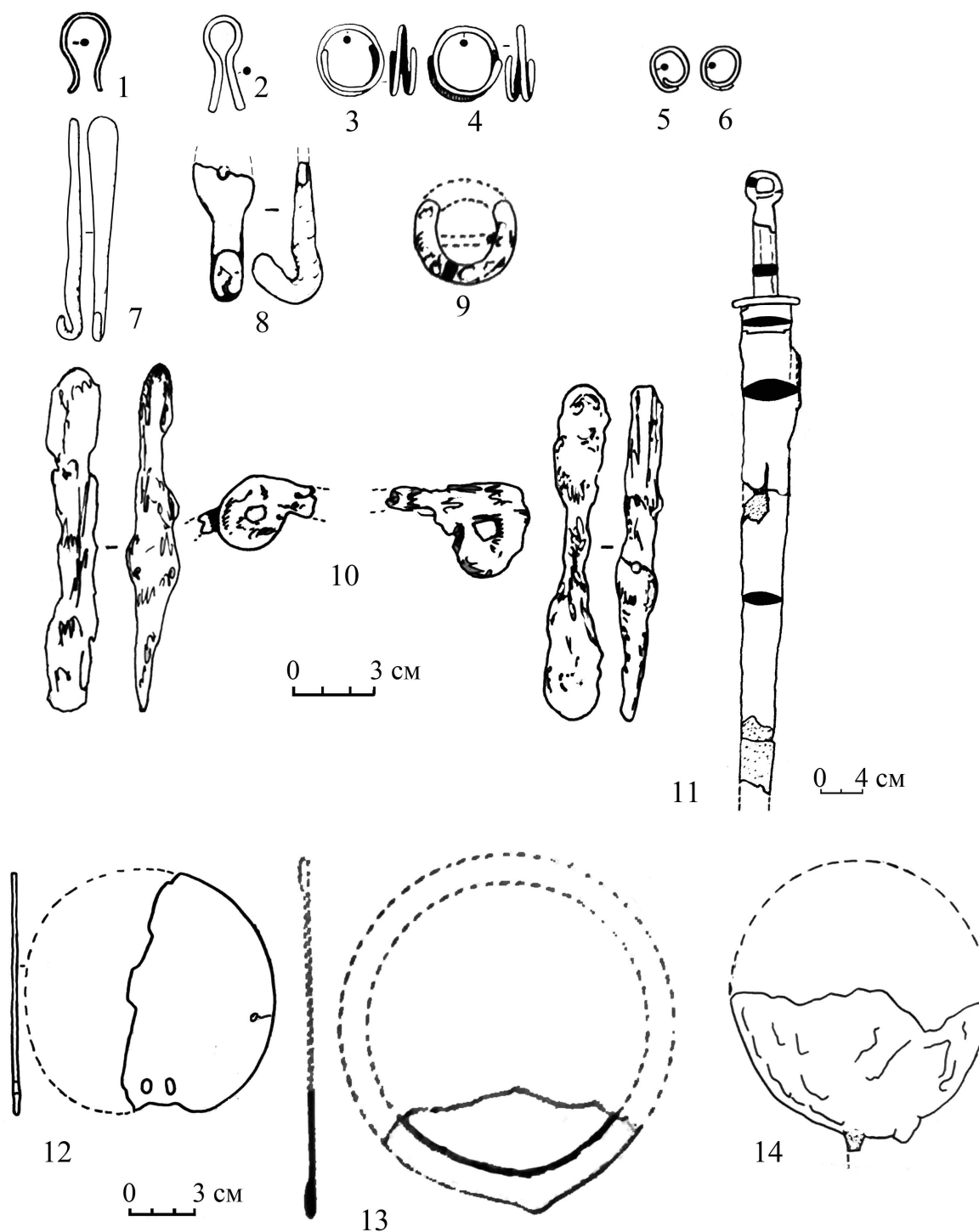

Рис. 21. Зеленоморский курган, погребения (по: [Салихов, 1986; 1988]):

1, 10 – № 39; 2 – № 41; 3, 4 – № 16; 5, 6 – № 12; 7 – № 54; 8 – № 13; 9 – № 26; 11 – № 30; 12 – № 31;
13 – разрушенное погр.; 14 – № 10

Fig. 21. Kurgan Zelenomorskiy, burials (after: [Salikhov, 1986; 1988]):

1, 10 – No. 39; 2 – No. 41; 3, 4 – No. 16; 5, 6 – No. 12; 7 – No. 54; 8 – No. 13; 9 – No. 26; 11 – No. 30; 12 – No. 31;
13 – destroyed burial; 14 – No. 10

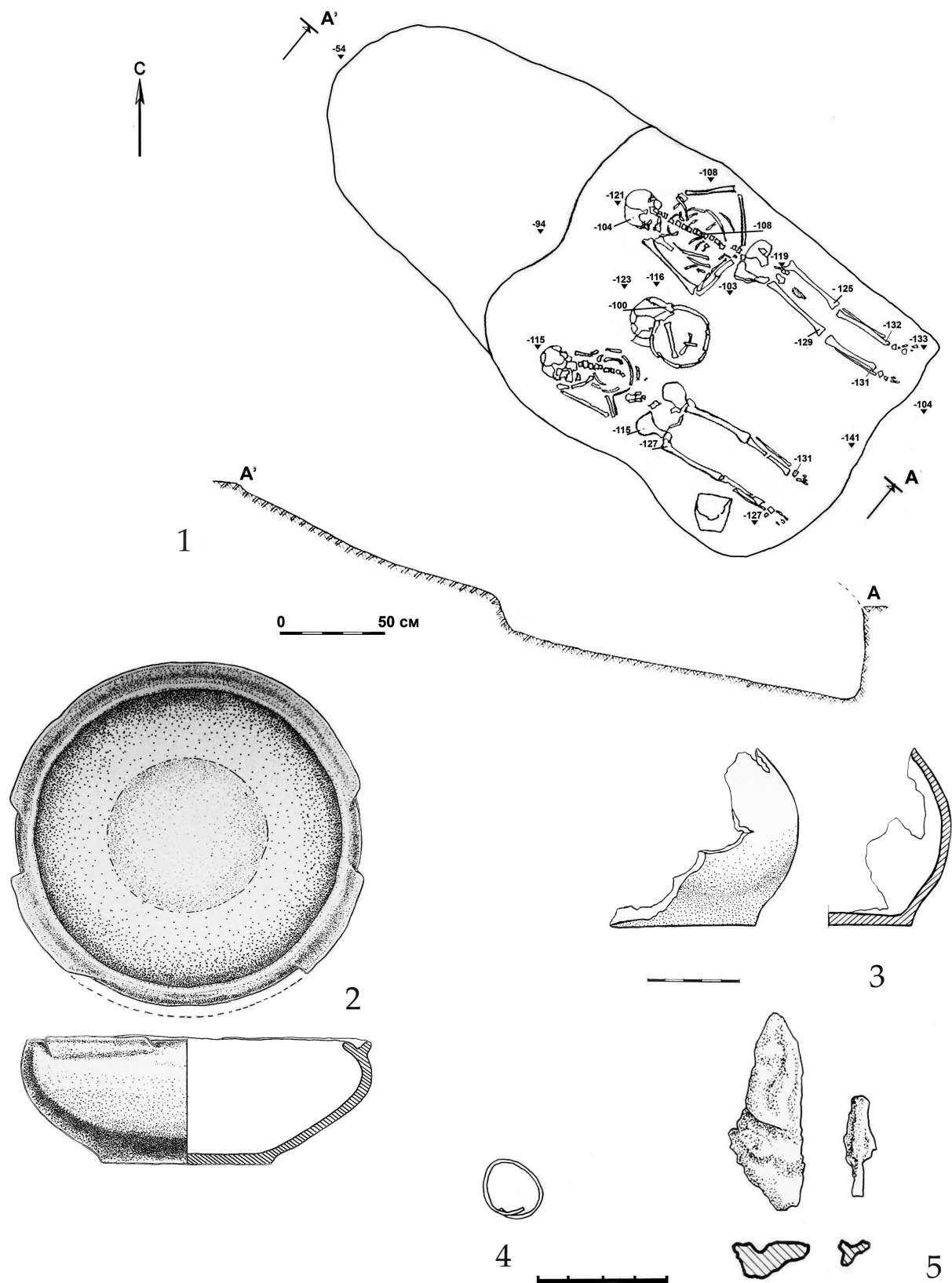

Рис. 22. Курганный могильник Манаскент I. Курган 2, погребение 7 (по: [Маслов и др., 2013]):

1 – план и разрез погребального сооружения; 2–5 – погребальный инвентарь

Fig. 22. Kurgan cemetery Manaskent I. Kurgan 2, burial 7 (after: [Maslov et al., 2013]):

1 – plan and section of the burial structure; 2–5 – grave goods

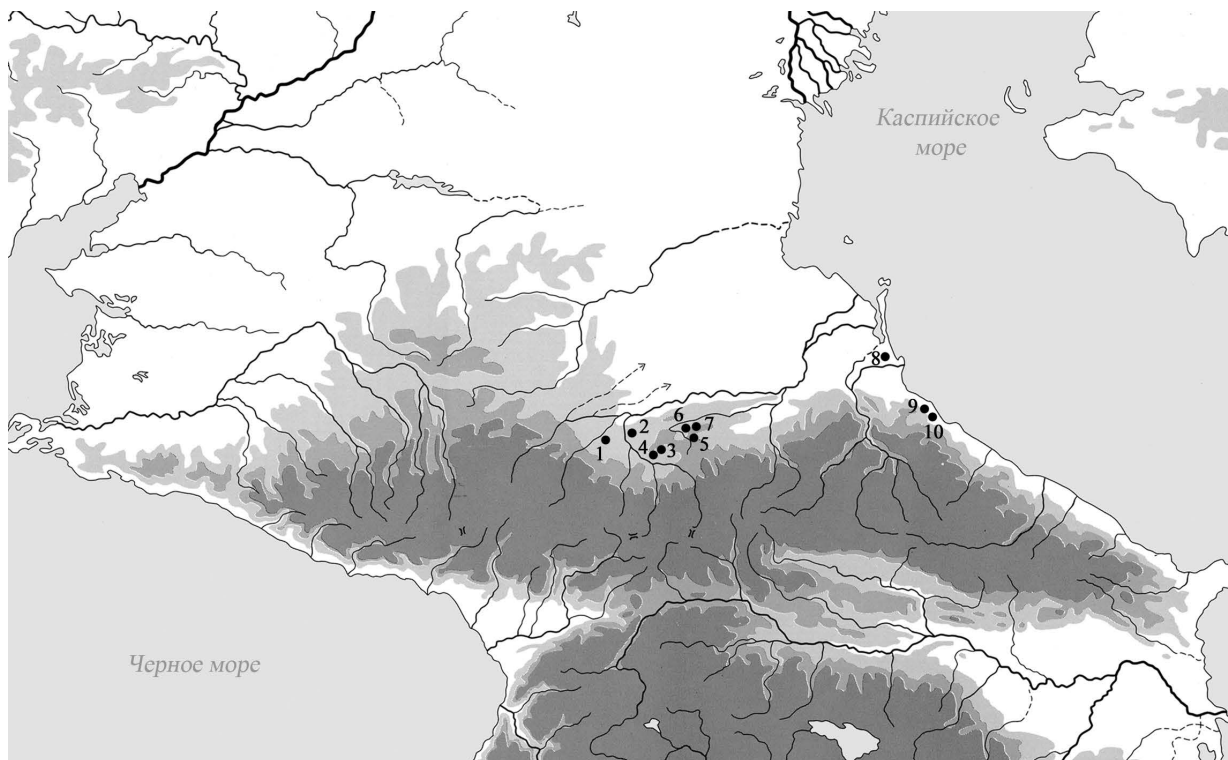

Рис. 23. Карта памятников:

- 1 – Чегемский курган; 2 – Нижне-Джулатский могильник; 3 – Заманкульские курганы; 4 – могильник Брут 1;
5 – могильник Бамутский поворот; 6 – могильник Орджоникидзевский; 7 – могильник Самашкинский;
8 – могильник Львовский VII; 9 – Зеленоморский курган; 10 – могильник Манаскент I

Fig. 23. Map of sites:

- 1 – Chegem kurgan; 2 – Nizhniy Dzhulat cemetery; 3 – Zamankul kurgans; 4 – kurgan cemetery Brut 1;
5 – kurgan cemetery Bamutskiy povorot; 6 – kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy; 7 – kurgan cemetery Samashkinskiy;
8 – kurgan cemetery L'vovskiy VII; 9 – kurgan Zelenomorskiy; 10 – kurgan cemetery Manaskent I

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик : Эльбрус. 76 с.
- Абрамова М. П., 1987. Подкумский могильник. М. : Наука. 182 с.
- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 141 с.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб : Нестор-История. 384 с.
- Березин Я. Б., Виноградов В. Б., 1988. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории : тез. докл. конф. Азов : Азов. краевед. музей. С. 28–41.
- Березин Я. Б., Каминский В. Н., Малашев В. Ю., 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М. : ТАУС. 208 с.
- Березин Я. Б., Колесниченко К. Б., 2009. Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станция-2» // Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир; Краснодар : Армавир. краевед. музей ; М. : ИА РАН. С. 53–57.
- Бурков С. Б., Прокопенко Ю. А., 2008. Подкурганские погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь : Орион. 384 с.
- Виноградов В. Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-та при Совете Министров ЧИАССР. Т. 6. Грозный : Изд-во ЧИНИИ. 222 с.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе : СОГУ им. К.Л. Хетагурова. С. 43–63.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1984. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар : КубГУ. С. 15–36.
- Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. № 2. С. 36–47.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. МИАР. № 11. М. : ТАУС. 468 с.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 2018. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М. : ИА РАН ; Вологда : Древности Севера. С. 105–114.
- Гаджиев М. С., 2002. Древний город Дагестана. М. : Вост. лит. 320 с.
- Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2021. Два ритуальных клада эпохи Митридатовых войн из Нижнего Подонья // Stratum plus. № 3. С. 281–296.
- Гущина И. И., Фирсов К. Б., 2000. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицина в 1895 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 268–293.
- Давудов О. М., 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН. 428 с.
- Домжалски К., Журавлев Д. В., 2003. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : материалы IV Боспорских чтений. Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ, ЦАИ, Керченский историко-культурный заповедник. С. 89–92.
- Егорова Т. В., 2019. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 123–137. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.10>.
- Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь : Универсум. 212 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2007. Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 81–108.
- Засецкая И. П., Марченко И. И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. С. 90–104.

- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2009. Отчет о раскопках кургана № 1 курганного могильника «Марьинская-5» на территории Кировского района Ставропольского края в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30306. 136 с. ; № 13307. 146 с.
- Керефов Б. М., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик : Эльбрус. С. 136–259.
- Керефов Б. М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 216 с.
- Клепиков В. М., Дьяченко А. М., Блохин В. Г., Кривошеев М. В., 2006. Исследования курганов у сел Племхоз и Моисеево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 164–177.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С., 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 47–81.
- Козенкова В. И., 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М. : Наука. 198 с.
- Косыаненко В. М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов : Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. 544 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : Адеф-Украина. 384 с.
- Куринских О. И., Малашев В. Ю., 2012. Новые погребальные памятники II в. до н.э. – первой половины II в. н.э. на территории предгорной зоны Северной Осетии – Алании // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Махачкала : Изд. дом Мавраевъ. С. 204–205.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и раннеримского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар : КубГУ. С. 106–183.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология мечей с серповидным навершием из меотских могильников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ремесленных комплексов позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2007а. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М. : Памятники исторической мысли. С. 487–501.
- Малашев В. Ю., 2007б. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв. : позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. № 3. С. 111–121.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., 2018. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы №№ 410, 411) // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 64940–64942. 757 с.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала : Изд. дом Мавраевъ. 452 с.
- Малашев В.Ю., Торгоев А.И., 2018. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. № 4. С. 36–52.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М. : Вост. лит. 365 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 336 с.
- Маслов В. Е., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2013. Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик : КБИГИ. С. 31–37.

- Маслов В. Е., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2016. Курганы Нижнего Сулака : курган-кладбище № 4 могильника Львовский-VII. Труды Дагестанской экспедиции. Т. IV. М. : Перо. 116 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.
- Охонько Н. А., 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования по археологии Ставропольского края. Вып. 15-16. Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во. С. 243–291.
- Парович-Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев : Наукова думка. 219 с.
- Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Шишлина Н. И., 1986. Отчет о раскопках Дагестанской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 11022. 62 с.
- Ростунов В. Л., 1993. Отчет о раскопках курганов у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17880. 282 с.
- Ростунов В. Л., 1994. Отчет о доисследовании кургана № 2 у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18412. 259 с.
- Ростунов В. Л., 1995. Отчет об археологических раскопках на Заманкульском курганном могильнике в Правобережном районе Республики Северная Осетия в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19415. 39 с.
- Ростунов В. Л., Березин Я. Б., 2007. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ : СОИГСИ. С. 5–60.
- Салихов Б. М., 1986. Отчет отряда Дагестанской экспедиции ИА АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 12226. 57 с.
- Салихов Б. М., 1988. Отчет Приморского археологического отряда Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 13650. 17 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.
- Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : СГУ. 300 с.
- Скрипкин А. С., 2010. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 370 с.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
- Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М. : Наука. 128 с.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III – II в. до н.э. у с. Глинное. Археологические памятники Приднестровья. Вып. III. Тирасполь : Stratum plus. 1096 с.
- Храпунов И. Н., 2007. Погребение воина 2 в. н.э. из могильника Опушки // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 115–124.
- Чеченов И. М., 1967. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XXV. Нальчик : Кабардино-Балкарское кн. изд-во. С. 192–227.
- Шилов В. П., 1966. Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 год // Архив ИА РАН. Р-1. №4625. 109 с.
- Bozkova A., 1997. A Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age. A Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast // Archaeologia Bulgarica. № 2. P. 8–17.
- Domzalski K., 1996. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. Vol. 47. P. 95–109.
- Lomtadze G., Zhuravlev D., 2004. Amphorae from the late Hellenistic cistern from Pantikapaion // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002. Monographs the Danish Institute in Athens. Vol. 5. Aarhus : Aarhus University Press. P. 203–209.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1972. *Nizhne-Dzhulatskiy mogilnik* [Nizhniy Dzhulat Cemetery]. Nalchik, Elbrus Publ. 76 p.
- Abramova M.P., 1987. *Podkumskiy mogilnik* [Podkumsk Cemetery]. Moscow, Nauka Publ. 182 p.
- Abramova M.P., 1993. *Tsentrallye Predkavkazye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Time (III C. BC – IV C. AD)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South European Part of the USSR of the II C. BC – IV C. AD]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 141 p.
- Beglova E.A., Erlikh V.R., 2018. *Meoty Zakubania v sarmatskoye vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogilnika)* [Meots of Trans-Kubania in the Sarmatian Time (by Materials from Tenginsk Cemetery)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 384 p.
- Berezin Ya.B., Vinogradov V.B., 1988. *Tsentrallye Predkavkazye vo vtoroy polovine I tysyacheletiya do nashey ery (oчерk etnokulturnykh protsessov)* [Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BC (Essay of Ethnocultural Processes)]. *Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii : tezisy dokladov konferentsii* [Problems of Sarmatian Archaeology and History (Abstracts of the Conference Reports)]. Azov, Azov Local History Museum, pp. 28-41.
- Berezin Ya.B., Kaminskiy V.N., Malashev V.Yu., 2012. *Tatarskoye gorodishche i formirovaniye pamyatnikov tipa Tatarka-Verbovka* [Tatar Settlement and the Formation of Monuments of the Tatarka-Verbovka Type]. Moscow, TAUS Publ. 208 p.
- Berezin Ya.B., Kolesnichenko K.B., 2009. *Znaki na keramike sarmatskogo vremeni s poseleniya «Georgiyevskaya stanitsa-2»* [Signs on Ceramics of the Sarmatian Time from the Settlement “Georgievskaya Stanitsa-2”]. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], iss. 9. Armavir, Krasnodar, Moscow, IA RAS, Armavir Local History Museum, pp. 53-57.
- Burkov S.B., Prokopenko Yu.A., 2008. *Podkurgannyye pogrebeniya rannego zheleznogo veka – epokhi rannego srednevekovia s territorii predgornoy Chechni* [Burial Mounds in the Early Iron Age and the Early Middle Age in the Territory of Piedmont Chechnya]. Stavropol, Orion Publ. 384 p.
- Vinogradov V.B., 1963. *Sarmaty Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Sarmatians of the North-East Caucasus]. Tr. Checheno-Ingush. nauch.-issled. in-ta pri Sovete Ministrov ChIASSR, vol. 6. Groznyi, ChISRI. 222 p.
- Vinogradov V.B., Berezin Ya.B., 1985. *Katakombnyye pogrebeniya i ikh nositeli v Tsentrallyem Predkavkazye v III v. do n.e. – IV v. n.e.* [Catacomb Burials and their Carriers in the Central Ciscaucasia in the 3rd C. BC – 4th C. AD] *Antichnost i varvarkiy mir* [Antiquity and the Barbarian World]. Ordzhonikidze, Khetagurov NOSU, pp. 43-63.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1984. *Pogrebeniya sarmatskogo vremeni iz Khankalskikh mogilnikov* [Burials of the Sarmatian Period from the Khankala Cemeteries]. *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar, KubSU, pp. 15-36.
- Vnukov S.Yu., 2016. *Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor* [On the Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Heracleian) Narrow-Necked Amphorae]. *Rossiskaya Archeologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 36-47.
- Gabuyev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentrallykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Monuments of the Early Alans of the Central Regions of the North Caucasus]. *Materials and Studies in the Russian Archaeology*, no. 11. Moscow, TAUS Publ. 468 p.
- Gavritukhin I.O., Malashev V.Yu., 2018. *Zerkalo s tsentralnoy petley i ornamentalnoy kompozitsiyey s motivom kvadrata v tsentre* [Mirror with a Central Loop and an Ornamental Composition with a Square Motif in the Center]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emalyu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.)*. [Bryansk Treasure of Jewelry with Champlevé Enamel of the Eastern European Style (III AD C.)]. *Rannoslavianskiy mir*, iss. 18. Moscow, IA RAS; Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 105-114.
- Gadzhiev M.S., 2002. *Drevniy gorod Dagestana* [The Ancient Town of Dagestan]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ. 320 p.
- Glebov V. P., Dedyulkin A. V., 2021. *Dva ritual'nykh klada epokhi Mitridatovykh voyn iz Nizhnego Podon'ya* [Two ritual deposits from the time of the Mithridatic wars from the Lower Don region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 281-296.
- Gushchina I.I., Firsov K.B., 2000. *Kurgany u derevni Mashevki, kolonii Norka i stantsii Lebyazhye v Balashovskom i Kamyshevskom uyezdash byvshey Saratovskoy gubernii (po materialam raspokok A.A. Spitsina v 1895 g.)*

- [Barrows near the Village Mashevka, the Colony Norka, and the Station Lebyazhye in Balashov and Kamyshin Uezd of the Former Saratovskaya Guberniya (After Excavation Materials by A.A. Spitsin in 1895)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 268-293.
- Davudov O.M., 1996. *Materialnaya kultura Dagestana albanskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Material Culture of Dagestan of the Albanian Time (III C. BC – IV C. AD)]. Makhachkala, IHAЕ DSC RAS. 428 p.
- Domzhalski K., Zhuravlev D.V., 2003. Bosporskaya sigillata [Bosporan Sigillata]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovia: materialy IV Bosporskikh chteniy* [Materials of the IV Bosporus Readings: Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, CB IOS NAS, CAI, Kerch historical-cultural museum reserve, pp. 89-92.
- Egorova T.V., 2019. Problemy datirovaniya neatticheskikh kanfarov klassicheskikh form [The Problems of Dating Non-Attic Classical Kantharoi]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 123-137. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.10>.
- Zaytsev Yu.P., 2003. *Neapol skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.)* [Scythian Naples (II C. BC – III C. AD)]. Simferopol, Universum Publ. 212 p.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2007. Elitnyy nekropol 2 v. n.e. u tsentralnykh vorot Neapolya Skifskogo [Elite Necropolis of the 2 Century AD at the Central Gate of Scythian Naples]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Tavrika]. Simferopol, Universum Publ., pp. 81-108.
- Zasetskaya I.P., Marchenko I.I., 1995. Klassifikatsiya steklyannykh kanfarov pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni [Classification of Glass Canfars of late Hellenistic and Early Roman Times]. *Archeologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The State Hermitage Museum Archaeological Papers], iss. 32, pp. 90-104.
- Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2009. Otchet o raskopkakh kurgana № 1 kurgannogo mogilnika «Marinskaya-5» na territorii Kirovskogo rayona Stavropolskogo kraya v 2009 g. [Report on the Excavation of Kurgan no. 1 of the Maryinskaya-5 Cemetery in the Kirovsky District of the Stavropol Territory in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 30306. 136 p.; no. 13307. 146 p.
- Kerefov B.M., 1985. Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni [Chegem Kurgan-Cemetery of the Sarmatian Time]. *Arkheologicheskkiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological Research at Construction in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], vol. 2. Nalchik, Elbrus. Publ., pp. 136-259.
- Kerefov B.M., 1988. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Monuments of the Sarmatian Period of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Elbrus Publ. 216 p.
- Klepikov V.M., Diachenko A.M., Blokhin V.G., Krivosheyev M.V., 2006. Issledovaniya kurganov u sel. Plemkhoz i Moiseyevu [Studies of Kurgans near the Villages of Plemkhoz and Moiseevo]. *Materialy po arkheologii Volgo-Don'skikh stepey* [Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 164-177.
- Klepikov V.M., Skripkin A.S., 2002. Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzhia [Chronology of the Early Sarmatian Monuments Located in the Lower Volga Area]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5. Volgograd, VolSU, pp. 47-81.
- Kozenkova V.I., 2001. *Poselok-ubezhishche kobanskoy kultury u aula Serzhen-Yurt v Chechne kak istoricheskij istochnik (Severnyy Kavkaz)* [The Settlement-Refuge of Koban Culture near the Village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a Historical Source (North Caucasus)]. Moscow, Nauka Publ. 198 p.
- Kosyanenko V.M., 2008. *Nekropol Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)* [Kobyakova Settlement Necropolis (Based on Materials from Excavations in 1956–1962)]. *Donskiye Drevnosti*, iss. 9. Azov, Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve. 544 p.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, Adef-Ukraine Publ. 384 p.
- Kurinskikh O.I., Malashev V.Yu., 2012. Novyye pogrebalnyye pamyatniki II v. do n.e. – pervoy poloviny II v. n.e. na territorii predgornoy zony Severnoy Osetii – Alanii [New Burial Monuments of the 2 C. BC. – the First Half of the 2 C. AD on the Territory of the Foothill Zone of North Osetia-Alania]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «XXVII Krupnovskiy chteniya». Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii* [Materials of the International Scientific Conference “XXVII Krupnovskie Readings”. The Newest Discoveries in the Archaeology of the North Caucasus: Research and Interpretation]. Makhachkala, Mavrayev Publ., pp. 204-205.

- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2003. Steklyannyye sosudy pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni iz Prikubania [Glass Vessels of late Hellenistic and Early Roman Times from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban], iss. 3. Krasnodar, KubSU, pp. 106-183.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I. 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogilnikov pravoberezhia Kubani [Chronology of Ceramic Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Meotian Cemeteries on the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 219-324.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2020. Chronologiya mechey s serpovidnym navershiem iz meotskikh mogil'nikov [Chronology of Swords with a Crescent-Shaped Top from Maeotian Burial Grounds]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 136-150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don], iss. 1. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2007a. Kulturnaya situatsiya v tsentralnykh rayonakh Severnogo Kavkaza vo II–IV vv. n.e. [The Cultural Situation in the Central Regions of the North Caucasus in the II–IV C. AD]. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druzia i ucheniki* [Three Quarters of a Century. To D.V. Deopik From Friends and Followers]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 487-501.
- Malashev V.Yu., 2007b. Arkheologicheskkiye pamyatniki yuzhnouralskikh stepey vtoroy poloviny II–IV vv.: pozdnesarmatskaya ili gunno-sarmatskaya kultura (veshchevoy kompleks) [South Ural Archaeological Sites of the Second Half of the 2nd–4th c. A.D.: Late Sarmatian Culture or Hun-Sarmatian Culture (Analysis of Finds)]. *Rossiskaya archeologia* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 111-121.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogilnikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and their Traditions in the Burial Mounds of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2 – the Middle of the 5 AD]. Moscow, IA RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., 2018. Otchet ob okhranno-spasatelnykh issledovaniyakh mogilnika «Bratskiye 1-e kurgany» v zone stroitelstva magistralnogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Nadterechnom rayone Chechenskoy Respubliki v 2018 g. (Otkrytyye listy №№ 410, 411) [Report on Investigations of the “Bratsk 1st Kurgan” Cemetery in the Construction Zone of the Mozdok-Grozny Gas Pipeline in the Nadterechny District of the Chechen Republic in 2018 (Open Sheets No. 410, 411)]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 64940–64942. 757 p.
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S., 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd–5th cc. AD]. Makhachkala, Izdatelskiy dom Mavraev Publ. 452 p.
- Malashev V.Yu., Torgoev A.I., 2018. T-obraznye katakomby sarmatskogo vremeni Severnogo Kavkaza i Sredney Azii [T-shaped catacombs of the Sarmatian time of the North Caucasus and Central Asia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], no. 4, pp. 36-52.
- Malashev V.Yu., Yablonskiy L.T., 2008. *Stepnoye naseleniye Yuzhnogo Priuralia v pozdnesarmatskoye vremya* [The Steppe Population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Time]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 365 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki of Kuban (On Materials of Kurgan Burials of Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 336 p.
- Maslov V.E., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2013. Katakombnyye pogrebeniya poslednikh vekov do nashey ery na territorii Dagestana [Catacomb Burials of the Last Centuries BC on the Territory of Dagestan]. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus], iss. 2. Nalchik, KBIGR, pp. 31-37.
- Maslov V.E., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2016. *Kurgany Nizhnego Sulaka: kurgan-kladbishche № 4 mogilnika Lvovskiy-VII* [Kurgans of Lower Sulak: Kurgan-Cemetery No. 4 of the Lvovskiy-VII Cemetery]. Trudy Dagestanskoy ekspeditsii, vol. IV. Moscow, Pero Publ. 116 p.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebalnykh sooruzheniy [Chronology and Typology of the Sarmatian Catacomb Burial Structures]. *Nauchnyye shkoly*

- Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Arkheologiya Volgo-Uralskogo regiona v epokhu rannego zheleza i srednevekovia* [Scientific Schools of the Volgograd State University. Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnyye i katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralia savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and Catacomb Burials of the Southern Urals of the Savromat and Early Sarmatian Times]. *Pogrebalnyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., Rostov-na-Donu, Kagalnik)* [Burial Rite of the Early Nomads of Eurasia: Materials of the VII International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (May 11–15, 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov-na-Donu, SSC RAS, pp. 162-167.
- Okhonko N.A., 1988. Arkheologicheskiye pamyatniki Stavropolskoy vozvyshennosti i voprosy zaseleniya Tsentralnogo Predkavkazia v drevnosti i srednevekovye [Archaeological Sites of the Stavropol Upland and Issues of Settlement of the Central Ciscaucasia in Antiquity and the Middle Ages]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Stavropol'skogo kraya* [Materials and Research on the Archaeology of Stavropol Region], iss. 15-16. Stavropol, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 243-291.
- Parovich-Peshikan M., 1974. *Nekropol' Olvii ellinisticheskogo vremeni* [Necropolis of Olbia in Hellenistic Time]. Kiev, Naukova dumka Publ. 219 p.
- Pyatykh G.G., Salikhov B.M., Shishlina N.I., 1986. Otchet o raskopkakh Dagestanskoy ekspeditsii v 1985 g. [Report on the Excavations of the Dagestan Expedition in 1985]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 11022. 62 p.
- Rostunov V.L., 1993. Otchet o raskopkakh kurganov u s. Zamankul' Pravoberezhnogo rayona Respubliki Severnaya Osetiya v 1993 g. [Report on the Excavation of Kurgans near the Village Zamankul of the Pravoberezhny District of the Republic of North Ossetia in 1993]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 17880. 282 p.
- Rostunov V.L., 1994. Otchet o doissledovanii kurgana № 2 u s. Zamankul Pravoberezhnogo rayona Respubliki Severnaya Osetiya v 1994 g. [Report on the additional Exploration of the Kurgan No. 2 near the Village Zamankul of the Pravoberezhny District of the Republic of North Ossetia in 1994]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 18412. 259 p.
- Rostunov V.L., 1995. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Zamankul'skom kurgannom mogilnike v Pravoberezhnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya v 1995 g. [Report on the archaeological Excavations at Zamankul Kurgan Cemetery in the Pravoberezhny District of the Republic of North Ossetia in 1995]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 19415. 39 p.
- Rostunov V.L., Berezin Ya.B., 2007. Skifo-sarmatskiy period na territorii Severnoy Osetii [Scythian-Sarmatian Period on the Territory of North Ossetia]. *Arkheologiya Severnoy Osetii* [Archaeology of North Ossetia], part 2. Vladikavkaz, SOIGCR, pp. 5-60.
- Salikhov B.M., 1986. Otchet otryada Dagestanskoy ekspeditsii IA AN SSSR o raskopkakh Zelenomorskogo kurgana v 1986 g. [Report on the Excavations the Zelenomorsk Kurgan of the Dagestan Expedition of the Institut of Archaeology USSR Academy of Sciences in 1986]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 12226. 57 p.
- Salikhov B.M., 1988. Otchet Primorskogo arkheologicheskogo otryada Instituta IYaL Dagfiliala AN SSSR o raskopkakh Zelenomorskogo kurgana v 1988 g. [Report on the Excavations of the Zelenomorsk Kurgan of the Primorsky Archaeological Team of the Institute of ILL of the Dagestan Branch USSR Academy of Sciences in 1988]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 13650. 17 p.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskiye vsadniki severnogo Prichernomorja* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 328 p.
- Skripkin A.S., 1977. Fibuly Nizhnego Povolzh'ya (po materialam sarmatskih pogrebeniy) [Fibulas of the Lower Volga region (based on the materials of Sarmatian burials)]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 100-120.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i eyo istoricheskiiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 300 p.
- Skripkin A.S., 2010. *Sarmaty i Vostok. Izbrannyye trudy* [Sarmatians and the East. Selected Works]. Volgograd, VolSU. 370 p.
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatskiye katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ikh onosheniye k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials in the Southern Urals, the Volga Region and their Relation to the Catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 73-81.

- Sokolskiy N.I., 1976. *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrysaliska* [Taman Tholos and Chrysalisk's Residence]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Telnov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskiy mogilnik III–II v. do n.e. u s. Glinnoye* [Scythian Cemetery III–II C. BC near Glinnoye Village]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrovia*, iss. 3. Tiraspol, Stratum plus Publ. 1096 p.
- Khrapunov I.N., 2007. Pogrebeniye voina 2 v. n.e. iz mogilnika Opushki [Warrior's burial of 2 c. AD from cemetery Opushki]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, Universum Publ., pp. 115-124.
- Chechenov I.M., 1967. Raskopki gorodishcha Nizhniy Dzhulat v 1966 g. [Excavations of the Settlement Nizhniy Dzhulat in 1966]. *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo NII* [Scientific Notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute], vol. XXV. Nalchik, Kabardino-Balkarskoye Knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 192-227.
- Shilov V.P., 1966. Otchet Astrakhanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1966 god [Report of the Astrakhan Archaeological Expedition for 1966]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 4625. 109 p.
- Bozkova A., 1997. A Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age. A Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast. *Archaeologia Bulgarica*, no. 2, pp. 8-17.
- Domzalski K., 1996. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994. *Archeologia*, vol. 47, pp. 95-109.
- Lomtadze G., Zhuravlev D., 2004. Amphorae from the late Hellenistic cistern from Pantikapaion. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002. Monographs the Danish Institute in Athens*, vol. 5. Athens : Aarhus University Press, pp. 203-209.

Information About the Authors

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Vladimir E. Maslov, Candidate of Sciences (History), Scientific Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, maslovlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4910-8317>

Информация об авторах

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Владимир Евгеньевич Маслов, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, maslovlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4910-8317>